

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Артамонов И. С.

18+

Игорь Сергеевич Артамонов

Моя Ми

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48650490

SelfPub; 2019

Аннотация

Пять рассказов не для всех, но обо всех. Скромное рождение новой литературной вселенной, которая только начала свою жизнь. Содержит нецензурную брань.

Я посвящаю этот сборник своей доченьке.
Мы все тебя очень любим и помним.
Ты навсегда останешься в наших сердцах:

МОЯ МИ

Краткий список фраз на похоронах:

-Бог дал, Бог взял.

-С кем не бывает

-У меня нет слов.

-Царствие небесное

-Время лечит

-Еще родите

-Земля пухом

-Покойся с миром

-Как я вас понимаю

-У меня так дед умер

-Все там будем

-Это жизнь

-Вам нужно это пережить

-Значит, так было нужно

-Пути Господни неисповедимы

Моя Ми

– Прочти три раза!

– Нет.

– Тогда я убью... – человек с пистолетом на секунду задумался. Он посмотрел на сидящих рядом со связанным мужчиной, женщину и маленькую девочку лет трех от силы. Обе они были связаны. Только кляп во рту отличал их от главы семейства. – Пожалуй, начну с твоей жены, – решительно сказал человек с пистолетом.

– Брат, остановись. Мы найдем другой способ, – молил связанный человек.

Прозвучал выстрел. Пуля попала женщине прямо в глаз.

Она упала лицом вниз и лужа крови из ее глазницы стала медленно растекаться по кавролину.

– Нет. О господи. Зачем? Софа. Моя Софочка,– застонал связанный мужчина. Его маленькая дочь билась в истерике, она припала к голове матери и вся измазалась в ее крови. Это было безумием.

– Нет другого способа. Читай, Саша,– спокойно сказал человек с пистолетом.– Читай, иначе следующей будет твоя дочь,– с этими словами он сунул листик с каракулями в лицо своей жертве.

Связанный мужчина затих. Глаза его стали стеклянными. Он перевел дыхание и начал читать.

– Ангиг мула га гелем ши киган мулу,– произнес он слипающимися губами.

– Читай еще раз!

– Ангиг мула га гелем ши киган мулу.

– Еще,– устало сказал человек с пистолетом.

– Ангиг мула га гелем ши киган мулу,– произнес связанный мужчина в третий раз. Зрачки его побелели. Тело его стало чернеть, рассыпаться и вскоре превратилось в пепел.

Мужчина с пистолетом встал и направился к выходу. На пороге он обернулся. Маленькая девочка без сознания лежала в луже крови своей матери.

– Я пришлю кого-нибудь за тобой,– сказал мужчина и вышел на улицу. Где-то неподалеку взорвалась машина. Гул от взрыва немного оглушил его. Но не удивил. На улице стояла

глубокая ночь, освещаемая заревом пожаров. Мир полыхал в огне не первый день. Мужчина поплотнее укутался в ворот пальто и двинулся в путь. Он шел вдоль брошенных машин и разбитых окон домов к единственному человеку, которого любил.

Дверь открылась, и в кабинет заглянул молодой парень в форме.

– Привет, Коля,– сказал он.– Там женщина пришла. По твоему участку. Говорит: сына убили. Чувшь какую-то несет. Она к тебе рвется. Пустить или ты...?

– Сам спущусь,– резко перебил его Николай.

– Ага,– кивнул парень и исчез за дверью.

Николай педантично сложил бумаги. Выровнял по углу стола листок с почти законченным протоколом задержания очередного дебошира и резко встал. Он одернул полицейскую форму участкового и решительно вышел из кабинета.

Женщина, бесновавшаяся в дежурке, оказалась старой знакомой Николая. Риту Васильевну на районе знали все. Соседи каждую неделю писали на нее жалобы и заявления. Пьянь и дебоширка, она и ее сын Вовчик были частыми гостями участкового отдела полиции. Но ни разу по своей воле. И тем удивительнее и тревожнее казался этот добровольный визит пьяницы в «мусарню», как выражалась сама Ритка.

– Он просто растворился в воздухе. Превратился в пепел,– вопила она. От нее изрядно несло перегаром.– Этот мудак дал моему сыночку какой-то листок и попросил прочитать. И он... Ааах. А, бля, как больно,– застонала Рита Васильевна и схватилась за сердце.

– Миша, вызывай скорую,– приказал дежурному Николай и усадил побледневшую старую женщину на стул, стоявший в тамбуре дежурки. Губы Риты Васильевны побелели. Она начала бредить.

– Он превратился в пепел. Мой сын теперь горстка пепла,– в холодном поту шепотом твердила она.

– Белочка,– пожав плечами, сказал дежурный, когда скорая увезла пьяную, сумасшедшую бабку.

– Да. Похоже на то,– согласился Николай.– И все же схожу к ним домой. Проведаю Вовчика,– буркнул он себе под нос.

– Так он же в пепел превратился,– сказал дежурный и усмехнулся.

– Ну да. Ну да,– задумчиво ответил Николай.

Дверь, ведущая в квартиру Риты Васильевны, была заперта. На звонки и стуки никто не отвечал. Это было странно. Вовчик никогда не покидал свое жилище. В Чечне ему оторвало ногу. А потому передвигался он исключительно при помощи костыля и только в пределах своей квартиры. Выпивку и еду ему всегда приносила мать.

– Наверно нажрался, как тварь и спит, ни хрена не слы-

шит,— подумал Николай.— Из квартиры воняло мочой, сигаретами и чем-то сладковато гнилостным.— М-да, скорее всего, нажрался,— задумчиво сказал Николай вслух и позвонил в соседнюю дверь.

— Здравствуйте, Николай Всеволодович,— сказала открывшая ему дверь пожилая старушка. Несмотря на свой преклонный возраст, она была очень ухоженной. И вряд ли ей кто-нибудь дал больше 60 лет, хотя ей было глубоко за семьдесят. Поговаривали, что к ней до сих пор хаживало парочка ухажёров по моложе ее лет на 20-ть.

— Добрый день, Антонина. Скажите, пожалуйста, когда вы в последний раз видели ваших соседей?— спросил Николай.

— Что опять натворили эти ироды?— со злостью и омерзением спросила она.

— В этот раз ничего,— ответил Николай и вопросительно посмотрел на соседку.

— Да, житья от них нет,— пожаловалась Антонина.— С утра вот опять дебоширили. Ритка что-то вопила не своим голосом. А потом выскочила из квартиры и понеслась вниз по лестнице. Да так бежала, что весь дом трясся. Корова старая,— сказала соседка.

— Может у них был кто-то в гостях, за последнее время?— поинтересовался Николай.

— Да у них постоянно всякая шушера, да пьянь собирается. А вот сегодня был тоже один. Приличный с виду такой. Интеллигентный. Я даже удивилась, что он к ним пришел.

Побыл с полчаса и ушел.

– Любопытно,– с интересом сказал Николай.– А он на машине был?

– Вот этого не знаю,– развела руками Антонина. – Ритка вслед за ним выскочила. Я к глазку побежала посмотреть, что случилось. Так орала она. А когда в окно, на улицу выглянула его и след простыл.

– Антонина, а можно я через вас к ним? Как в прошлый раз?– спросил Николай.

– И не лень вам с балкона на балкон прыгать,– неодобрительно пробурчала соседка, пропуская Николая в свою квартиру.– Жизнью рискуете и ради кого? Поделом этой Ритке. Колдовка она и сын потому без ноги у нее. Сдохла бы она вместе с выродком своим, всем бы только легче стало.

– Работа у меня такая,– сказал Николай. Он уже открыл окно лоджии и перелазил на балкон Риты Васильевны.

– Работа,– буркнула Антонина.– Все бы так работали. Давно как в Европе жили бы.– Но Николай этого уже не слышал, он перебрался в квартиру Риты Васильевны.

Рядом с креслом, в котором обычно сидел Вовчик валялся костыль. Без него он далеко уйти не мог. Николай подошел поближе и ощупал обивку кресла. Ее покрывал странный серовато белый пепел. Он растер его пальцами, поднес к носу и тут же с омерзением вытер руку о ковер на полу. Отвратный сладковато гнилостный запах, который Николай почувствовал еще на подходе к двери в квартиру алкашей,

исходил отсюда.

Вытирая руку, Николай заметил клочок бумаги, валяющийся на полу. Он поднял его. На листке была написана непонятная тарабарщина. Участковый бережно свернул листок и положил в карман. Он тщательно осмотрел квартиру и не найдя Вовчика вышел на лестничный пролет, где его уже ждала изнывающая от любопытства соседка. Николай еще раз расспросил ее о загадочном госте, но ничего нового для себя не узнал и, распрощавшись с Антониной, спустился вниз.

Он вышел из подъезда, достал телефон и стал ковыряться в контактах. С Вовчиком действительно случилось что-то не ладное. Нужно было вызывать следаков. Николай понимал, что никто в этом деле копать не станет. Всем плевать на такую «грязь», как Вовчик и Ритка. А потому его звонок в следственный отдел являлся простой формальностью. Но что он мог еще сделать? И тут ему на глаза попалась камера наблюдения, висящая на стене магазина расположившегося в цокольном этаже дома напротив. Ее объектив смотрел прямо на вход в подъезд. Николай положил сотовый обратно в карман и направился к магазину.

После долгих уверений, что жесткий диск вернется в магазин до вечера, охранник магазина сдался и отдал записи видеонаблюдения. Николай, довольный своей маленькой победой, спешно направился обратно в участок.

Как он и предполагал, камера засняла таинственного гостя

и его машину. Дальнейшее было делом техники. Через пару часов у Николая на руках был адрес подозреваемого. Он жил неподалеку, в том же микрорайоне, что и Вовчик. Уже стемнело, когда он набрал на домофоне 127. Никто ему не ответил. Тогда Николай набрал 128. Прозвучало тихое пиликанье.

– Да. Кто это?– услышал он женский голос в домофоне.

– Извините за беспокойство,– сказал Николай.– Я участковый, Николай Всеволодович Бондаренко. Ваши соседи из 127 квартиры не отвечают. Вы не знаете дома они или нет?

– Заходите. Я сама уже хотела вас вызывать,– обеспокоено ответил голос, и дверь в подъезд открылась.

Николай поднялся на третий этаж, где его встретила полоумная дама лет сорока, с химической завивкой на голове в бабушачьем домашнем халате. Среднестатистическая домохозяйка запустившая свой внешний вид до нельзя.

– Здравствуйте,– возбужденно поприветствовала она Николая.– Вы к Никите Андреевичу?

– Да,– ответил Николай.

– Он уехал пару часов назад,– сказала женщина.

– А куда не говорил?– спросил Николай.

– Куда – нет. Но вот с кем,– женщина побледнела и перекрестилась.– Я потому и хотела вас вызывать. Тут бесовщина какая-то происходит,– и она стала тараторить молитву и креститься.

– Давайте по существу,– перебил ее Николай.

– По существу говорите,– немного с обидой сказала женщина.– Ну так вот. Если по существу, у него дочка умерла с месяц назад. Погибла в автокатастрофе. Похороны были. Страшная авария. В закрытом гробу хоронили. Представляете?– чуть наклонившись к Николаю, шепотом сказала она. И тот многозначительно кивнул, подыгрывая ей.– Так вот. После смерти дочки Никита Андреевич в себя ушел. Рыдал день и ночь. Стены у нас тонкие. Я все это слышала. Так горько плакал. У меня аж сердце сжималось.

– Какое это имеет отношение?..

– Дослушайте,– сказала женщина.– Так вот. Никита Андреевич – уважаемый человек. Доктор наук. В институте научном работает. В общем, с неделю назад затих он. Смирился что ли. На работу снова ходить начал. Я уже перекрестилась. К иконке божьей матери в церковь ходила. Свечку поставила, чтобы дала она ему душевный покой. Не могла я уже его вой и плачь терпеть. А сегодня слышу, в квартире у него, толи стон, толи смех. Ходит кто-то. Никита Андреевич ушел с утра. А в квартире и быть больше никого не могло. Он вдовец. Только дочь и была. Да померла же. Я уже полицию вызывать хотела, а тут он забегает. Смеется, обнимает кого-то. Я удивилась, кто там с ним. Спустя время слышу, дверь его квартиры открывается. Ну, я в глазок посмотреть. А там он и... дочь его. Понимаете,– женщина странно хихикнула.– Вы только не подумайте, что я сумасшедшая. Я точно знаю, что видела. Это точно дочка его была и никто другой,–

женщина не на шутку забеспокоилась.

– Все хорошо, не нервничайте так,– успокоил ее Николай.– А куда они поехать могли?

– У него дача в Подмосковье. Наверно туда. Я вам адрес дам. А больше не знаю куда. Только знайте, я не сумасшедшая. Это точно дочка его. Я ее с рождения знаю и ни с кем не перепутаю. Вы мне верите?

– Верю,– убедительно сказал Николай.

– А может они аферу, какую провернули?– не угованивалась женщина.– Гроб то закрытый был. Мало ли кого похоронили вместо нее. Может из-за страховки. Хотя я не слыша чтоб его дочь застрахована была. Да и плакать тогда зачем? И так горько. Не сыграть так.

– Будем выяснять,– сказал Николай.– Давайте адрес.

До дачи Николай добрался глубоко за полночь. В небольшом дачном домике горел тусклый свет. Из дома то и дело доносился веселый смех. А неподалеку во дворе стояла та самая машина, которую засняла камера у подъезда Риты Васильевны.

– Нашел,– довольно хмыкнул Николай.– Теперь нужно поосторожнее. Тактика и стратегия. Сначала разведка. Потом действия.– Он крадучись подошел к дому и осторожно заглянул в окно.

Никита Андреевич и миловидная девушка сидели на тахте в углу комнаты и что-то весело осуждали. Девушка то и дело размашисто жестикулировала, а он смотрел на нее. Любо-

вался ею. Взгляд этот был знаком Николаю. Так может смотреть только отец на свою дочь. С гордостью и безграничной любовью.

Ничего опасного и удивительного Николай через окно не увидел. Никаких темных сил. Никаких людей превращающихся в пепел. Просто отец и дочь уехали на дачу. А нелепая история рассказанная соседкой Никиты Андреевича, теперь и давно казалось обычным бредом сумасшедшей женщины. Николай уже собирался идти ко входу в дом и просто опросить хозяина дачи. Выяснить, зачем он приходил к Рите Васильевне и что же все-таки произошло с Вовчиком.

Неожиданно зазвонил телефон. Звонок этот напугал, оглушил Николая. Он стал в панике шарить по карманам в поисках смартфона и на секунду забыл об осторожности. Глухой выстрел нарушил тишину глубокой ночи. Осколки разбитого стекла посыпались Николаю на голову. Он пригнулся и наугад выстрелил в сторону нападавшего. Осторожно, пригибаясь, он заглянул краем глаза в комнату. Никита Андреевич стоял без движения. В руке его повис разряженный, переделанный из ружья обрез. У его ног в предсмертной агонии корчилась девушка. Шальная пуля попала ей в шею, и она захлебывалась в собственной крови. Николай встал в полный рост и направил пистолет на Никиту Андреевича. Тот даже не шелохнулся. Девушка замерла, она издала мерзкий хлюпающий звук, похожий на вздох и рассыпалась в пыль и пепел. Увиденное обескуражило Николая, но

он тут же взял себя в руки.

– Брось обрез!– рявкнул разъярённый Николай. Старик посмотрел на Николая пустыми глазами.

– Брось иначе буду стрелять!– Никита Андреевич повиновался и медленно положил ружье на пол.

Он посмотрел в глаза Николаю и сказал:

– Вы не понимаете, что натворили.

– Заткнись, урод! Руки! Чтоб я видел. Через окно и без глупостей,– скомандовал Николай и разбил дулом пистолета остатки стекол мешавших Никите Андреевичу вылезти через окно.

Через пару минут Николай, выкрикивая грязные ругательства, заводил машину. А Никита Андреевич валялся в наручниках на заднем сидении. Пожилой, щуплый, с жиденькой бородкой этот старичок едва ли походил на бандита и афериста. К сожалению, иногда внешность бывает обманчива.

Николай достал злосчастный телефон. Нужно было вызвать наряд на место преступления. На экране телефона светился пропущенный от жены.

– Она меня когда-нибудь в могилу сведет,– подумал про себя Николай и усмехнулся. Именно звонок его жены вызвал столь стремительную развязку событий. Николай содрогнулся, вспомнив про убитую девушку. Она ведь превратилась в пепел. Произошедшее не укладывалось у него в голове.

– Да и черт с ним. Пусть дальше следаки со всей этой хер-

ней разбираются,— подумал он.

Зазвонил телефон. Николай сделал глубокий вдох и поднял трубку.

— Да, кисюня моя, — как можно спокойнее сказал он.

— Наша дочь. Она... Она... — жена Николая захлебывалась от плача.

— Что случилось? — испуганно спросил Николай.

— Она ворочалась в кровати... Мы тебя ждали... ей не спалось... А потом она... она исчезла... Я вся в пепле... Я вся в нашей Ми.

Николай побледнел и обернулся к Никите Андреевичу. Их глаза вновь встретились.

— Я же сказал: «Вы не знаете, что натворили», — сказал старик.

— Заткнись, мразь,— Николая охватил неуправляемый гнев. Он схватил пистолет и хотел выстрелить старику прямо в лицо. Но лишь ударил его рукояткой по голове. Никита Андреевич обмяк и безвольно завалился на задние сидения машины. Тонкая струйка крови потекла из рассеченной брови на обивку кресел. Николай дал по газам и пулей помчался к своему дому.

На пороге его встретила заплаканная, обезумевшая от горя жена. Он отстранил ее и неуверенно побрел в детскую. Туда где спала его любимая доченька. Но ее там не было. Белый пепел устилал кровать, на которой спала его Ми. Знакомый сладковато-гнилостный запах ударил Николаю в нос.

Его охватила апатия. Словно сомнамбула вышел он из детской.

Все это время жена неотступно следовала за ним. Как маленький ребенок, она дергала его за руку, заглядывала в глаза и спрашивала:

– Где наша Ми? Скажи мне. Ты ведь знаешь. Где она? Где она? Где наша Ми, дорогой? Где она? Где же? Не прячь ее. Хватит. Где она?– и так без конца. От жены исходил тошнотворный сладковато-гнилостный запах. Он смешался с запахом ее духов и вызывал у Николая рвотные позывы. Он сел на пуфик в прихожей и схватился за голову.

– Где она? Ты ведь знаешь, где,– шептала обезумевшая от горя жена. – Где? Не прячь. Верни. Хватит шутить. Где наша Ми?– И Николай знал человека, у которого был ответ на этот вопрос. Он собирался разmozжить ему голову, если понадобится и вынуть этот ответ прямо из его пульсирующего умирающего мозга.

– Никому не открывай. Я верну ее. Обязательно верну,– сказал Николай жене и вышел.

Никита Андреевич сидел в машине под домом Николая и пытался освободиться от наручников. Дурная затея. Участковый плотно застегнул их, и старик изрезал все запястья в кровь, пытаясь освободиться от оков. Он повернулся спиной к двери и подергал ручку. К его удивлению дверь машины открылась, и он неуклюже плюхнулся на твердый асфальт. Как жук он барахтался на дороге пытаясь встать на ноги и

спустя какое-то время ему это удалось. Он уже собирался бежать, когда твердая рука Николая схватила его за шею и пригвоздила к служебной машине.

– Где моя дочь?– шепотом спросил Николай. И в вопросе этом были боль и угроза настолько сильные, что у Никиты Андреевича засосало под ложечкой.– Говори, иначе я раздавлю тебя, как таракана.

– Ее можно вернуть,– прохрипел старик.

– Как?– прошипел Николай

– Обменять ее жизнь, на жизнь другого.

– Что ты несешь, старик. Я убью тебя, если ты сейчас же не вернешь мою Ми.

– У вас есть на примете человек не достойный жизни?– спросил с натугой старик. Николай крепко держал его за горло.– У каждого есть такой. Подумайте,– моляще добавил он.

– Да, есть одна тварь. Педофил,– ослабив хватку, ответил Николай. Он удивился тому, с какой легкостью поверил старику. И еще больше поразился тому, что запросто готов убить любого лишь бы жила его любимая Ми.

– Тогда отвезите меня к нему, и я верну вам вашу дочь. А потом вы поможете мне,– вкрадчиво сказал старик.– Вместе мы исправим эту оплошность.

Горе сломало Николая. Он сдался. Поверил безумным словам старика, потому что хотел в них верить. Даже если Никита Андреевич врал – эта ложь была единственной ниточкой, не дающей Николаю провалиться в пропасть безу-

мия. Виски его пульсировали, сердце с натугой качало кровь.
– Поехали,– сказал Николай, заталкивая старика в машину.

Дом педофила находился в деревне недалеко от города. Николай угрюмо вел машину. Невыносимое, непомерное горе утраты придавило его к водительскому креслу. Он свято верил в то, что старик, сидящий на заднем сидении, способен вернуть его дочь. И потому он больше не задавал ему ни каких вопросов. Да и не надо было. Никиту Андреевича словно прорвало. Ему необходимо было с кем-то поделиться тем, что с ним произошло.

– И вы только послушайте,– с жаром в голосе говорил старик.– Я думал все. Потерял ее. Мою неповторимую Агату. Жена умерла в родах. Я вырастил ее в одиночку. Воспитал. Дал образование. Ухаживал за ней, как за капризным, нежным цветком. Она хотела красивую одежду. Я покупал. Она ела самую дорогую еду и пользовалась только французской косметикой. А когда она захотела водить, я купил ей права и машину. А потом авария. И темнота. Пелена боли и казалось, нет ей конца. Да, я плакал и не стыжусь этого. Ведь я любил только ее, а она меня. У меня кроме нее никого не осталось. И тут этот обелиск. Его привезли из Сирии. Там война сейчас и наши войска вывозят оттуда древние артефакты и памятники старины. Спасают от вандалов. Это все конечно без огласки происходит. А то ведь скандал мирового масштаба. Кому объяснишь, что спасаешь историю. Все

скажут, что воруешь, пока в стране бардак и война. Ну да, не важно это. А я – доктор наук, между прочим, – старик сделал паузу, видимо ожидая от Николая какой-то реакции, но так ее и не дождавшись, продолжил. – Мертвые языки Месопотамии. Шумерские диалекты – это моя стихия. И когда привезли артефакт, меня в срочном порядке вызвали на работу. Я решил, что хоть так отвлекусь. Я ведь почти с ума сошел от горя за эти три недели.

– Когда привезли обелиск, я холод почувствовал и еще нечто. Такой сладковато-гнилостный запах. У короба, в котором его привезли, доски прогнили и я подумал, что это от них. В общем, я с головой окунулся в работу, и вы знаете, горе никуда не ушло. И боль утраты стала еще сильнее. Но когда я с головой уходил в работу, боль отступала, и даже становилось немного легче, – старик замолчал. Он поделился с Николаем очень сокровенным и ждал от своего слушателя понимания. Николай молча вел машину.

– Обелиск походил на надгробную плиту, – продолжил Никита Андреевич. – Такой же плоский со скругленным верхом. И смысл текста высеченного на нем звучал как надгробная эпитафия. Но я сразу заметил некую странность в тексте. Клинопись, высеченная на обелиске, немного отличалась от тех, что я видел раньше. Тут полоска была наклонена немного правее, там расстояния между клинышками были чуть больше. Как будто древний автор спрятал внутри обычного текста что-то еще. Тогда я с другой стороны подошел

к переводу и обнаружил внутри простого описания обряда погребения тайное послание. Оно гласило: Если ты хочешь вернуть к жизни любимого человека, забери жизнь у другого. Пусть жертва три раза произнесет «Ангиг мула га гелем ши киган мулу» и грязный демон вернет тебе того кого ты любишь, взамен жизни другого. И никто больше не сможет у тебя забрать воскресшего. Ибо каждый живой знает, как ужасно наказание за убийство воскресшего.

– Конечно, тогда я подумал, что все это бред. Но об открытии никому не рассказал. Мой воспаленный мозг цеплялся за любую самую бредовую возможность вернуть мою любимую дочь. И я решил попробовать. В конце концов, что я терял? Я выбрал человека. Пьяницу. Он всем только мешал, как гнойная язва на теле. За бутылку водки он прочел заклинание и... превратился в пепел у меня на глазах. Вы можете себе представить, насколько я был изумлен и напуган в ту секунду. Только тогда я понял, что заклинание действует. А дальше вы знаете, что было. Этот нелепый случай у меня на даче. Я боялся за свою дочь. Что у меня ее снова заберут. Не знал, к чему еще обязывает заклинание. Ведь всем известно, что в воскрешении мертвых нет ничего хорошего. Но я был готов защитить свою дочь любым способом. А потом вы под моим окном. Я испугался. Оружие было у меня под рукой. Я промахнулся. А вы... убили мою дочь. Обелиск не врал. Кара за убийство воскресшего страшна и справедлива. Вы убили мою дочь и обелиск забрал вашу. Но все можно испра-

вить,— в неистовом безумии застонал Никита Андреевич.— В мире столько «падали» не достойной жизни. Вы ведь со мной согласны?

— Рита Васильевна. Она наверно обезумела от горя,— ответил Николай.

— Какая Рита Васильевна?— растерянно спросил старик.

— Не важно. Мы на месте,— сказал Николай.

Педофил жил в ветхой старой избе на краю деревни. Двор окружал покосившийся полусгнивший деревянный забор, покрытый мхом и плесенью. Окна с разбитыми стеклами были завешены старыми дырявыми тряпками. Ветер раскачивал ставни окон, и ржавые петли уныло скрипели в такт ветру. Было раннее осеннее утро. Клочки тумана отрывались от земли и неуверенно поднимались вверх.

Николай повернулся к старику.

— Дайте мне листок бумаги. Я напишу вам заклинание,— сказал Никита Андреевич.

— Вот это?— спросил Николай, достав из кармана клочок бумаги, найденный у Вовчика в квартире.

— Откуда?— удивился старик.

— Вы оставили его на месте преступления,— горестно сказал Николай

— Не повторяйте моих ошибок,— так же горестно сказал старик.

— Уже повторяю,— ответил Николай и решительно вышел из машины.

– Три раза. Надо чтобы он прочел это три раза подряд,– прокричал ему в след Никита Андреевич.

Николай подошел ко входу в избу и постучал. А потом еще и еще. Пока не услышал недовольный голос хозяина.

– Какого хрена так рано заявила, маленькая шалава?

Николай постучал еще раз.

– Да заходи, бля. Дура что ли? Открыто же. Проголодалась опять? Ну, сначала придется отсосать. А потом так и быть я тебя покормлю, моя шалавенка,– прохрипел сонным голосом педофил.

Николай зашел в избу. Здесь нещадно пахло мочой и нестиранным бельем. Гнилые стены избы пропитались запахом сырого табачного дыма.

– Какого черта тебе здесь надо, мент,– педофил поспешно вылез из под горы одеял и агрессивно уставился на Николая опухшими от многодневной попойки глазами.

На дворе стоял ноябрь месяц, и в не протопленной избе было безумно холодно. Даже холоднее чем на улице. Николай подошел к педофилу и сунул в нос листок с заклинанием.

– Прочти,– спокойно сказал он.

– Ты что сдурел?– оскалился педофил.– Я свое отсидел. Ты нахрена сюда приперся?

Николай достал пистолет и приставил ледяное дуло ко лбу педофила.

– Читай,– хладнокровно сказал он.– Прочти три раза и я уйду.

Педофил изменился в лице. Дуло пистолета приставленное к голове отрезвило его. Он посмотрел на листок и глаза его стали стеклянными.

– Ангиг мула га гелем ши киган мулу,– прочел педофил.

– Еще раз,– приказал Николай и педофил повиновался.

– Ангиг мула га гелем ши киган мулу,– произнес он.

– Еще раз,– дрожащим голосом, почти неслышно сказал Николай.

– Ангиг мула га гелем ши киган мулу,– прохрипел педофил. Он стал мертвенно бледным. Тело его огрубело. Оно стало твердым и хрупким как уголь. А потом рассыпалось в пыль. Николай почувствовал до боли знакомый сладковато-гнилостный запах и поспешно выбежал из избы.

Зазвонил телефон. Он поднял трубку.

– Котик?

– Да, любимая.

– Ми дома. Она в шкафу пряталась. Представляешь. Мы просто не могли ее найти. Она хитрюга у нас, видишь какая. Возвращайся домой. Мы соскучились.

– Скоро буду, кисюля,– он повесил трубку и зарыдал. Слезы счастья катились по его щекам. Его любимая доченька снова была дома. Он, пошатываясь, добрал до машины и плюхнулся на водительское сидение.

– Отпустите меня,– моляще попросил Никита Андреевич и Николай вздрогнул. Он и забыл, что в машине кто-то есть.– У меня тоже дочь и мне тоже нужно ее вернуть. Отпустите.

Хотите я, потом сам с повинной вернусь.

– С повинной? В чем? – Николай грустно улыбнулся. Он достал из кармана ключ и расстегнул наручники. – Я доведу вас до города.

– Нет. Отвезите меня к одному человеку. А дальше я сам.

– Это будет пьяница, наркоман, убийца?

– Какая вам разница, – грустно ответил Никита Андреевич.

Николай утвердительно кивнул, и машина двинулась сквозь унылый густой туман к тому, кто не достоин жизни.

В узкой маленькой комнатке было не протолпиться. Николай стоял неподалеку от усопшей и ждал команду выносить гроб из квартиры. У его сослуживца и близкого друга скоропостижно скончалась жена. И Николай пришел почтить память умершей, да и просто помочь. Наконец соболезнающие расступились. Пора было выносить тело на улицу, где уже стоял заранее заказанный катафалк. Николай и еще несколько крепких мужиков подхватили гроб. Они с трудом вынесли тело через узкий коридор хрущевки на лестничный пролет и дальше вниз. Пролеты были узкими, и пронести гроб между ними можно было, только поднимая его выше перил. Мужики то задирали гроб кверху, то опускали вниз, и голова усопшей безвольно болталась, словно оторванная от тела. Не смотря на то, что помогающих было много, пару раз

гроб чуть не перевернулся. К счастью все обошлось. Гроб вынесли на улицу и поставили на табуретки. Началось спешное прощание с усопшей. Безутешный вдовец пытался успокоить детей. Но что он мог им сказать? Врать, что мама вернется? Говорить, что в гробу лежит кто-то другой, а мама вот-вот придёт? Со временем они свыкнутся с утратой. Это лучше чем глупая ложь. Но сейчас они неистово плакали, разрывая в клочья отцовское сердце.

Николай стоял в отдалении, готовый помочь хоть чем-то в любую секунду. Прошло три месяца с тех страшных событий, о которых он пытался забыть. Вовчика так и не нашли. Да и не искали. Рита Васильевна поправилась и вернулась домой. Но вскоре ее определили в психушку. О Никите Васильевиче Николай никому ничего не сказал. И он исчез, уехал из города. Жена Никлая свято верила, что их доченька просто пряталась в шкафу.

—Представляешь, какой кошмарный сон,— иногда вспоминала она.— Мне даже стыдно, что я тебе тогда набрала. Такую чушь несла. А эта хитрюга в шкафу спряталась и заснула. Дурой себя чувствую. И ты по городу носился, как в жопу раненый. А она в шкафу была. Вот же точно мышуля,— и она весело хихикала.

Николай и сам иногда хотел в это верить. И только клочок бумаги с заклинанием, спрятанный в потайном кармашке кошелька напоминал ему, что все это было наяву. Иногда он доставал заклинание, вертел в руках, желая сжечь. И

всякий раз бережно клал на место. Нет, он не жалел о том, что сделал. Педофил заслуживал гораздо более мучительной смерти. И если бы это случилось вновь, он, не раздумывая поступил бы так же. Просто этот листок напоминал ему о том дне. И о том, что Ми умерла тогда. Он не мог избавиться от ощущения, что вместо их дочки в кроватку каждую ночь ложиться искусная подделка. Копия без души. И это ощущение душило его. Не давало жить. Именно поэтому он хотел сжечь закливание. Потертый листок бумаги, обитающий в кармане его кошелька, не давал Николаю шанса забыть. А в такой ситуации нет большего счастья, чем забвение. Так чувствует себя курица, которая знает, что завтра ее подадут к столу и хочет забыть об этом. Но страх, что его Ми снова исчезнет, был гораздо сильнее. А листок – залогом того, что ее всегда можно вернуть.

Вечером, когда все разошлись, в маленькой хрущевке остались четверо: Женя – муж покойной и его маленькие дочки и Николай. Дети мирно посапывали в своей комнате. Им очень тяжело дался сегодняшний день, и они спали мертвым сном, позабыв ненадолго о том, что их мамы больше нет. Николай и Женя сидели на кухне, и пили водку.

– Коль, мне сейчас так больно. Я ведь люблю ее, – заплетаясь языком сказал Женя. – А она ушла. Так рано. Всего 38 лет. Будь проклят этот чертов тромб. Врачи сказали: он и через 20ть лет мог оторваться. Она бы еще 20ть лет прожила. Чувствуешь разницу, – Женя горестно усмехнулся. – А

теперь у меня две дочки на руках и никого больше. Ее родителей уже нет. И мои тоже... сам знаешь. Один за другим ушли. Я ведь теперь и работать должен и их воспитывать. А я не могу. Даже пальцем пошевелить не могу, так больно.

– Тебе нужно жить ради дочек. Мы тебе поможем. Жена с мелкими посидит, когда надо будет. Да и я тоже. Помни, ты не один. Со временем все наладиться, – пытался успокоить друга Николай.

– Да. Конечно, – как-то странно ответил Женя. – Ты наливай пока. Я ща, – он встал из-за стола и, пошатываясь, побрел в сторону туалета.

Николай налил в пустые рюмки водки до краев и стал разглядывать не хитрое убранство Жениной кухни. Дешевая мебель, старая посуда. Паутина в углу на потолке. Занавеска, пожелтевшая от осевшего на нее жира готовящейся еды. Все как у многих. Обычная кухня. И тут Николая стало одолевать непонятное беспокойство. Женя слишком долго не возвращался. Николай встал и пошел к туалету. Дернул ручку. Дверь открылась. Туалет был пуст. Он с минуту тупо смотрел на белоснежный унитаз, красующийся в углу. Незадолго до смерти, Женина жена отдраила его до блеска. Будто чувствовала, что в доме будет много гостей.

– С кухней не успела, – скорбно подумал Женя.

Сообразив, что Женя в туалете не появится, Николай, пошатываясь, побрел к нему в спальню. Когда он открыл дверь, его друг сидел на кровати и вертел в руках пистолет. Нико-

лай остановился на входе и замер.

– Ты чего это?– пересохшими губами прошептал он.

Женя приставил дуло к виску. Николай в два прыжка оказался возле друга и ударил его по руке. Прозвучал выстрел. Пуля, никого не задев, ушла в потолок, а пистолет с грохотом упал на пол. Николай со всей дури вlepил Жене оплеуху.

– Ты охренел! У тебя дети, дебил! – заорал он на друга.

– Не могу я больше. Не могу я так. Нет мне жизни без нее. Не сегодня, так завтра руки на себя наложу,– стонал, завалившийся на кровать, Женя.– И никто мне не помешает. Я уже все решил. Если она умерла, то и я тоже.

Николай плюхнулся на пол возле кровати. От нервного напряжения кожа зудела и ужасно чесалась. Он стал судорожно тереть ладонями голову, запуская пальцы в густые волосы. Он чувствовал горе своего друга. Ощущал его физически. И ему тоже было больно. Нестерпимо. Как тогда, когда не стало Ми.

– А если она воскреснет?– неожиданно спросил Николай.

– Бля. Мне и так хреново. Перестань издеваться. Иди домой к своей жене и дочке. И цени каждый день, проведенный с ними. А мою не вернуть,– и Женя зарыдал в голос. Николай подождал, пока друг немножко успокоится.

– У тебя есть на уме человек, чью жизнь ты бы забрал, а взамен воскресил жену?– спросил он Женю.

Тот вытер слезы и уставился на Николая тупым не понимающим взглядом.

– Ну? Че смотришь? Есть или нет?

– Да дохрена!– ответил Женя.

– Тогда поехали.

– Куда поехали?– опешил Женя.– Ты с дубу рухнул, что ли?

– Пошли, накатим по одной. Рассказать мне тебе что-то надо,– Николай хлопнул друга по плечу.– А потом поедим.

Они ехали по заснеженной скользкой дороге. Снега выпало в эту ночь по колено. И он все сыпал и сыпал дальше, крупными хрустящими хлопьями.

– Он вот там живет. В той этажке,– Женя был очень возбужден.– Знаешь мразь какая. Нарик конченный. За дозу моего друга тогда пырнул. Тоже зима была, как сейчас помню. Я его до дому на себе тащил. Снег в крови весь был. Прямо за ним дорожкой тянулся. Не выдержал он. Умер от потери крови. А этой мрази всего семь лет дали. Теперь живет припеваючи. А моего дружка черви давно сожрали. Ему еще 20-ти не было. Ребенок месячный остался. Вот скажи, достоин такой человек смерти?– спросил Женя.

– Тебе решать,– ответил Николай.

– Конечно достоин. Еще как достоин,– сжав кулаки, прорычал Женя.

– Тогда возьми вот это и заставь его прочитать,– сказал Николай и достал из бумажника клочок бумаги с заклинанием.– Только пусть три раза подряд прочтет. Иначе не получится.

– Ты со мной?– спросил Женя.

– Нет. Самому надо. Только ты если решил, то заставь прочесть его. Нюни не распускай.

– Не распущу, будь уверен,– сказал Женя и исчез в подъезде.

Зазвонил телефон. Николай поднял трубку.

– Да, дорогая.

– Ты где?

– С Женькой. Хреново ему.

– А ясно. Тут Ми тебя к телефону.

– Может потом.

– Пап, привееет. Ты скоё домой?

– Я с другом солнышко. Ему помощь нужна. Ты же знаешь, что друзей в беде не бросают.

– Угу. Я тогда спать пойду, а ты когда пьидешь, ты же меня поцелуешь?

– Конечно мышуля.

– Тогда ладно. На маму.

– Ладно, котик. Я ее счас спать уложу и тебя ждать буду. Не спитса без тебя что-то. Ты там поддержи Женю. Тяжело ему наверно.

– Хорошо, кисюль.

– Я люблю тебя.

– И я тебя тоже люблю. На связи,– и Николай повесил трубку.

Женя вернулся через полчаса. Плюхнулся в машину,

словно мешок с картошкой и сказал:

– Езжай.

– Ну что там? Получилось?– спросил Николай.

– От него только пепел остался. Дети плакали только,– словно робот, без единой эмоции, сказал Женя.

– Какие еще дети?– сглотнув подступающий к горлу комок, спросил Николай.

– Его.

– Ты же говорил он наркоман.

– Был. 20-ть лет назад. Теперь семья у него, оказывается.

Жена. Дети.

– Так нахрена ты?..– Николай запнулся на полу слове. На рукаве Жениной куртки краснело алое пятно.– А кровь, откуда?– спросил он.

– Не беспокойся. Это не моя, жены его кровь. Кидалась на меня. Бешеная сука. Ну, я ей двинул разок пистолетом по зубам. Кровь брызнула,– Женя ухмыльнулся, вспомнив этот момент.– Но я его заставил. Нюни не распустил. Он понял, что я их всех положу, если он не прочтет. Что дальше делать?– спросил Женя. Опасный огонек загорелся в его глазах.

– Ничего, Жень,– с горечью в голосе, сказал Николай.– Поехали. Дома тебя ждет твоя любимая,– он ощутил каждой клеточкой тела, что совершил ошибку.

Когда они вошли в квартиру их встретили встревоженные дети.

– Пап, там тетя какая-то в комнате. Говорит, что тебя ждет,– сказала старшая дочь. Ей недавно исполнилось 8 лет. Не по годам смыслённый ребенок.

Друзья удивленно переглянулись, и Женя неуверенно открыл дверь своей комнаты.

– Марфа?!– толи спросил, толи воскликнул Женя. Он побледнел и оперся на дверной косяк.

На углу кровати сидела миловидная светловолосая девушка, лет 17-ти на вид. Она даже отдаленно не походила на его умершую жену.

– Женя, кто эта девушка?– спросил полностью протрезвевший Николай.

Марфа подскочила, подбежала к Жене и обняла его, крепко-крепко.

– Как же я скучала по тебе,– сказала она и прижалась к его груди. Потом отстранилась. Пристально посмотрела на его белое словно мел лицо и волосы с сединой.– Как же ты постарел, любимый.

Женя попытался освободиться из ее объятий, но девушка лишь сильнее к нему прижалась. Тогда он с силой оттолкнул ее. Так, что она неуклюже упала на пол.

– Ты же сказал, что воскреснет моя жена,– он смотрел на Николая и в глазах его был ужас и смятение.

– Заклинание воскрешает любимого человека. Наверно, того кого ты любишь больше всего,– пробормотал невнятно Николай.– Кто она тебе?

Марфа поднялась с пола и потирала ушибленную от падения руку.

– Жень, ты, что забыл про меня?– удивленно спросила Марфа.

Женя вздрогнул. Вопрос этот ударил его словно нож в сердце.

– Никогда. Я помнил о тебе каждый день своей проклятой жизни. Моя маленькая,– сказал Женя. Он подошел и обнял ее. Зарылся в ее волосах, он так скучал по их запаху. И стал вспоминать, как они первый раз поцеловались. Как ходили вместе за ручку по улице у всех на виду и гордились тем, что они пара. Все должны были знать, что они любят друг друга. Как уединились в Жениной квартире, когда его родители уехали на дачу. И как ее насмерть сбила машина. Он плакал. Пил, как тварь каждый день. Пытался заглушить свою боль. Его верный друг неотступно следовал за ним в эти дни. Не отпускал ни на шаг. Как, после очередной попойки, они вместе шли по заснеженной улице. И к ним подошел наркоман. Он вынул нож.

– Деньги. Быстро,– сказал он.

Надо было просто отдать деньги. Друг отдал. Женя – нет. Он надеялся, что грабитель пырнет его ножом и все закончится. И он пырнул, но не Женю. Друг закрыл его грудью. А потом алый от крови снег. Женя так спешил. Но кровь текла слишком быстро. Липкая. Он был весь в ней. С тех пор он боялся крови. Он пытался повеситься. Мать вытащила его

из петли. Психушка. Со временем чувство вины сменилось обретением смысла жизни. Во что бы то не стало, Женя решил жить в память о своем друге. Спустя год он встретил Веру и полюбил ее. Она родила ему дочку. А потом еще одну. И Женя вновь обрел покой и счастье. Он любил ее и она умерла. А потом воскресла, но не она, а эта. Та, про которую он почти забыл. Та, которую возненавидел за эти годы. Что-то нашло на Женю. Он стал все сильнее и сильнее сжимать Марфу в своих объятиях.

– Женя, мне больно. Женя, отпусти меня. Женя! – но Женя не слышал. А Николай просто стоял и смотрел. Все происходящее казалось ему галлюцинацией. Пьяным бредом отравленного алкоголем мозга. Он очнулся, когда было уже слишком поздно. Марфа растаяла в Жениных руках, осыпавшись на пол серым пеплом. И вслед за ней его старшая дочь превратилась в пыль.

– Где она?– спросил, обезумевший от увиденного, Женя.

Николай смотрел на горстку пепла на полу. Сладковато гнилостный запах быстро распространился по квартире. Женя не смог справиться с собой. Он упал на четвереньки и вырвал прямо на пепел, а затем поднял глаза и посмотрел на Николая.

– Мы вернем ее. Обязательно,– пообещал Николай.– Я знаю пару человек, чья жизнь ничего не стоит. Надеюсь, ты не потерял заклинание?

– У меня в кармане,– сказал Женя. Он вставал с колен и

вытер рукавом рот.

Ночь тянулась бесконечно долго. Когда друзья вернулись домой, их вновь встретила Марфа. Старшая дочь Жени что-то пыталась объяснить младшей. Марфа убирала Женину блевотину с пола.

– Воскресла,– облегченно вздохнул Женя.– Значит, люблю я ее. По-настоящему. А жену – нет. Интересно, кто воскрес первым.

– Лучше не думать об этом,– сказал Николай.– Главное она снова жива.

Женя кивнул.

– Марфа, уложи детей и не мешай нам,– сказал Женя, будто перед ним стояла прислуга или вещь. Девушка повиновалась.

– Пойдем на кухню. Выпить надо,– сказал он Николаю

– Пошли,– согласился Николай. На улице было холодно, и он немного подмерз.

Женя разлил по рюмкам водку, и они молча их осушили.

– С такой властью в руках можно горы свернуть,– нездоровый блеск в глазах друга пугал Николая все больше и больше.

– Жень, остановись,– сказал Николай.

Женя поджал губы и наполнил рюмки по новой.

– За здоровье живых и воскрешение мертвых,– выпалил он тост и осушил рюмку. Но водка не брала его. Тогда он схватил бутылку и выпил ее до дна. Николай пристально, не шевелясь, смотрел на друга.– Пей,– резко сказал Женя и с

силой кинул пустую бутылку в дальний угол кухни, так что она разбилась в дребезги.

В дверь настойчиво постучали. Женя вздрогнул. Он вышел из-за стола и пошел открывать.

– Да,– услышал из кухни Николай.– Да, мы всю ночь здесь... Жена умерла, вот поминаем... Заходите лучше. Помяните с нами...– двое мужчин по форме зашли на кухню.

– Коль, это из следственного отдела,– предупредил Женя.– Тут на меня баба заяву накатала. Говорит, я в дом ворвался и ее мужа в пепел превратил. Прикинь.

–В пепел?– притворно удивился Николай.– Да ты у нас в пироманьяки заделался. И когда ты успел, я в туалет на минуточку отлучился,– он усмехнулся и протянул руку сотруднику.

– Привет, Колян,– сказал тот, и они обнялись.

– Где бы еще встретились. Садись Володь. Помянем,– сказал Николай.– Это кто с тобой?

– Стажер. Ввожу в курс дела,– ответил Володя.

– Как звать?– спросил Женя.

– Федя,– ответил стажер.

– Садись Федя. Помянем жену мою,– сказал Женя.

– От чего же не помянуть хорошего человека,– сказал Федя и сел рядом Володей.

– Когда умерла то?– спросил Володя.

– Три дня назад. Сегодня похоронили,– сказал Женя.

– А че не позвали. Сотрудники все-таки. Помогли бы,–

Володя с укоризной посмотрел на Николая.

– Да сам понимаешь. Горе. Все в голове не удержишь. Кто пришел, тот пришел,– ответил Николай.

– И то верно,– согласился Володя.

– Давайте выпьем мужики,– сказал Женя, ставя на стол еще два бокала.

– Разливай,– сказал Володя.– Как жену то звали?– спросил он, пока Женя наливал водку по бокалам.

– Вера,– слезы навернулись на Жениных глазах.

– Упокой господь ее душу. Пусть земля ей будет пухом,– сказал Володя и все четверо выпили.

– А от чего умерла?– поинтересовался Федя.

– Тромб оторвался,– ответил Женя.

– Да уж,– сочувствующе сказал Володя.

– Ну что, еще по одной,– предложил Женя, разливая остатки бутылки.

– Можно,– одобрительно сказал Володя.– Давайте скажем за здравие живых. Чтобы не было больше горя в этой семье. Здоровья хозяину дома и его близким.

Женя достал новую бутылку.

– Вы закусывайте, мужики,– сказал он гостям.

– Да мы может, пойдем. Служба, сами понимаете,– сказал Володя.

– Служба службой, а помянуть надо,– возразил Женя. Он снова захмелел. Да и гостей разморило с мороза

– Надо, так надо,– кивнул Володя. И они выпили по тре-

ттей, уже без тостов.

– А у меня сын умер в прошлом году, – сказал охмелевший Федя.

– Да ну нахуй, – сам не ожидая от себя выпалил Николай. – Сочувствую.

– Врачебная ошибка. Уроды – врачи. Как мы с женой пережили все это, не знаю. Да и не пережили наверно. Просто с мыслью свыклись. А жена плачет каждый день. Я ей говорю: давай хоть кроватку детскую пока уберем. Больно же смотреть на вещи сыночка. Строишь, вспоминаешь, как он в кроватке барахтался, и жить не хочется. А она не даст убрать. Разведусь. Нет сил больше, – слезы навернулись у Феде на глазах.

– Давай выпьем по одной. За упокой души сына твоего, – сказал Женя. – Упокой душу его. Вечная память, – они выпили и Федя разрыдался. А Женя вновь разлил по бокалам.

– Так у меня тоже было, – сказал Володя. – Ни с кем не делился, а с вами поделюсь. Нормальные вы мужики потому что. Я ж детдомовский.

– Охуеть, – вновь не сдержался Николай. – Я столько лет тебя знаю, с учебки еще, и ты никогда даже словом не обмолвился.

– А хрена тут говорить. Отец бросил. Мать умерла от тягот жизни, когда мне 9ть было. Родственников не нашлось. Вот и отправили в детдом. А там воспитательница одна была. Ну, мразь конченная. Издевалась над нами. А надо мной

больше всех. Приглянулся я ей, походу. Она такое со мной вытворяла, что и рассказывать не стану.

– А жива еще она? Где живет, знаешь?– поинтересовался Женя.

– Конечно знаю. Моя бы воля,– и Володя тяжело задышал.

– А поменял бы ее жизнь на жизнь матери?– вкрадчиво спросил Женя. Николай понял, к чему он ведет, и идея эта ему, как ни странно понравилась.

– Конечно, поменял. Зачем глупости спрашивать,– не задумываясь, ответил Володя.

– Тогда так и сделаем,– сказал Женя.– Выпьем за хороших людей. Пусть их становится больше, а всякой падали меньше.– Он махом опрокинул стопку и сказал:

– Поехали.

– Куда,– спросил пьяный Володя.

– К твоей воспитательнице,– ответил Женя.

– Зачем?

– По дороге объясню,– ответил Женя.– Тебе это тоже нужно,– обратился он к Феде.– Поехали.

Было позднее утро, когда они возвращались домой. Сначала они заехали к Володиной воспитательнице. А потом Федя вспомнил про акушерку принимавшую роды у жены. Это она загубила их малыша. Во всяком случае, Федя так думал.

Они ехали молча, угрюмо. Каждый думал о своем. Когда они подъехали к Жениному дому Николай сказал:

– Это не всегда действует так, как вы хотите. Не с первого раза. Все-таки не стол заказов. Дай ручку и листик,– попросил он Женю. Тот порылся в бордачке машины.

– Держи.

Николай переписал заклинание и дал его Володе и Феде.

– Если дома вы встретите того кого не ждете, не убивайте его. Иначе умрет еще один любимый вам человек. Лучше дайте почитать заклинание кому-то еще. В какой-то из разов воскреснет тот, кто вам нужен. Понятно?– спросил Николай. Володя и Федя утвердительно кивнули.

– Тогда идите. Дома вас ждут любимые,– сказал Николай.

– Те, кого вы действительно любите,– с горечью в голосе добавил Женя.

Володя и Федя уселись в своё авто и молча укатились во-свояси. Николай смотрел им в след и нервно потирал руки.

– Уж если жить, как курица на бойне, то пусть весь мир живет так же,– подумал он.

– Пойдем. Накатим,– предложил Женя.

– Я домой, Жень. Моя доченька ждет,– ответил Николай.

– Ладно. Дальше я сам разберусь,– как-то странно сказал Женя и посмотрел на окна своей квартиры.– А ты иди к своей Ми. Жене приветы,– и он неуклюже побрел к своему подъезду, хрустя снегом под ногами.

Мужчина шел вдоль брошенных машин и разбитых окон домов к своей дочурке. На этот раз ему повезло. Саша и его жена были живыми. За их дочь он ручаться не мог. Никто не вел учета воскресшим. И каждый, кто хотел вернуть умершего, рисковал потерять живого. Когда заклинание ушло в массы у человечества не осталось шансов. Как раковая опухоль росло его проклятье. И если ты не убивал ради своих любимых, то убивали тебя. Государства рушились, словно карточные домики. Полиции и скорой больше не было. Да и зачем они, если всегда можно было воскресить того кого любишь.

Он шел и размышлял о том, что, пожалуй, каждый готов убивать ради любимых. Ему было чуточку стыдно за то, что он так обошелся с Сашей и его семьей. Все-таки он был его родным братом. Но в этом новом мире, где ни за что нельзя было ручаться, мужчина наверняка знал только одно. Он действительно... по-настоящему любит лишь свою дочь. В этом полуразрушенном, горящем городе не каждый мог похвастаться даже такой малостью. Николай брел по обломкам падшего человечества к своей дочке. А в глазах его стоял немой вопрос:

– А ты уверен, что знаешь, кого ты действительно любишь?

И тут же отвечал сам себе:

– МОЮ МИ...

В дождь камни двигаются

Все началось с того, что я потерял работу и остался без средств к существованию. Новая волна сокращений прокатилась по стране, оставив не у дел тысячи врачей, учителей и инженеров. Оптимизация производства, мать их. После двух месяцев поиска работы, я устроился в психбольницу, медбратом. Конечно не ахти, но к тому времени я полностью израсходовал все резервы кредитной карты и подвернувшаяся вакансия стала моим спасательным кругом.

Психушка находилась далеко за чертой города. Она одиноко возвышалась на пустыре. Вся обшарпанная и унылая, она гармонично дополняла местный пейзаж. Из города сюда добираться около двух часов. Поэтому работники по желанию могли жить и питаться в стенах больницы. Для меня идеальный вариант. Не нужно было тратить деньги на съём квартиры и еду. Плюс обещали хороший оклад. Я планировал поработать с полгода, подсобрать денег и свалить подальше из этого богом забытого места.

Работа моя была предельно проста – следить, чтобы больные исправно принимали свои лекарства и соблюдали дисциплину. И я хорошо с ней справлялся. Мне позволялось ходить по всей территории больницы, кроме «мансарды». Так персонал называл верхний этаж больницы.

– Мы даже медбратьев туда набираем отдельно. Из опытных. Не говоря о врачах. В палатах наверху живут очень больные люди и очень опасные. У нас уже был прецедент.

Погиб медбрат. Новичок, зеленый еще совсем. Поэтому вам строго настрого запрещено подниматься туда. Это понятно?— спросил главврач.

— Да, Никита Семенович,— сказал я. На том мы и договорились.

Время шло. Первый месяц работы подходил к концу. У меня даже появился любимчик среди подопечных больных. Его звали Виктор. Крупный мужчина, под два метра ростом и весом больше ста килограмм. Но безобидный, как ребенок. Людское зло и удары судьбы свели его с ума. И теперь ему нравилось передвигать камни в саду во время каждодневной прогулки.

— В дождь камни двигаются,— говорил он мне всякий раз при встрече.— Они ворчат, когда я кладу их на место.

— Так ты не трогай их, чтобы они не ворчали,— говорил я ему и дружески хлопал по спине.

— Раньше так не было. Мне не нравится, что теперь они так делают. Это плохо. О них споткнуться можно,— отвечал Виктор. Безобидный малый. Расставляя камни, он пытался обо всех позаботиться.

Персонал больницы привозили и увозили утром и вечером на служебном автобусе. И признаюсь вам, я единственный кто жил в больнице на постоянной основе. Наверно по этой причине другие работники больницы сторонились меня. И наши контакты проходили в сухой рабочей обстановке. Да мне было пофиг. Я не желал оставаться здесь больше

намеченного и потому не стремился заводить тут друзей. Но с Вале́й мы сдружились. Классная оказалась девчонка. Она устроилась сюда врачом пару лет назад, сразу после интернатуры. И постоянно возмущалась, что ее до сих пор не пускают на верхний этаж.

– Хоть разок бы пустил, Никита Семенович. Там говорят такие пациенты. По каждому можно докторскую писать и не одну. Эх, – как то поделилась она со мной.

– Все будет, Валечка. Не торопись. Главврач, сразу видно, не дурак. Не готова ты еще, вот и не пускает, – успокаивал я ее.

– Не готова, не готова, – передразнила она меня. – Мне уже 30 и я готова ко всему. Попрошусь еще раз. Не пустит, сама туда проберусь. Поможешь мне?

Я немного оторопел.

– Помогу, – неожиданно для самого себя ответил я.

– Вот это свой человек. Договорились, – с уважением сказала Валя.

Конечно, я не предал этому разговору особого значения. Валя часто ворчала по поводу «мансарды». Но каждый раз брала себя в руки и соглашалась, что не в этом году, так в следующем ее допустят до находящихся там пациентов.

А потом Валя исчезла. Она не появлялась на работе вторую неделю, и я забеспокоился. С главврачом больницы я сталкивался редко. Почти все свое время он проводил на «мансарде», доверив лечение остальных душевно больных

своему медперсоналу. Все рабочие моменты я обсуждал с Константином Федоровичем Беликовым – замом главврача. На мои расспросы о Вале он ответил, что она ушла на больничный, и по видимому хочет перевестись в другой город.

– Обиделась, что на «мансарду» не пускают,– ухмыляясь, подмигнул он мне.

– Странно. Не похоже на нее. Даже не попрощалась,– сказал я.

Зам пожал плечами.

– Чужая душа потемки. Сильно видать обиделась. Даже не появилась на работе. Бумаги с автобусом отправила и все,– сказал он.– Амбициозная дама.

– Есть такое,– согласился я.

День шел за днем. Деньги копились. И единственным моим другом в этой богадельне оставался Виктор. Я часто вспоминал Валу. Она мне очень понравилась. Пожалуй, я даже помог бы ей проникнуть на «мансарду». Но что теперь было об этом думать. Она перевелась в другую больницу. Карьеристка.

Виктор по-прежнему собирал камни, заботливо укладывая их на «свои места», а я считал дни до увольнения. В одну из утренних прогулок я нашел Витю возле огромного валуна сбоку здания психушки. Он упирался, пытаясь сдвинуть огромный камень с места.

– Витя, что ты здесь делаешь?– спросил я его, заведомо зная ответ.

– Помоги мне вернуть камень на место,– попросил Виктор.

Спорить с ним было бесполезно и я прибег к хитрости.

– Давай так, Вить. Мы пойдем класть «на место» другие камни, а этот трактором передвинем. У меня друг один есть, я его позову, и мы завтра на место его уберем.

– Точно?– недоверчиво спросил Виктор.

– Ну а как же,– ответил я. Громкие крики, доносящиеся со стороны главных ворот больницы, отвлекли меня от разговора с душевно больным.

– Иди к остальным,– скомандовал я Виктору и поспешил ко входу в больницу.

– ...Верните мою дочь?– услышал я, подходя к воротам больницы.

– Уважаемая, здесь вашей дочери точно нет,– спокойно отвечал ей сторож.

– Душегубы. Я подала заявление в полицию. Они выведут вас на чистую воду!– кричала в истерике женщина.

– Что случилось?– спросил я сторожа.

– Да, сумасшедшая, какая-то. Говорит, мы ее дочь здесь силой удерживаем,– раздосадовано ответил сторож.

– Валя! Валя! Отзовись,– кричала женщина.– Я знаю, что она здесь.

– Женщина, если вы сейчас же не уйдете, я вызову санитаров. Здесь вас быстро подлечат. Сразу и Валю найдете и Катю и всех остальных заодно,– со злостью сказал сторож.

Женщина с надеждой посмотрела на меня.

– Вы не видели Валу. Доченьку мою. Вот фотография.

Она пропала два месяца назад.

– Видел,– ответил я.– Она же вроде в другой город переехала.

– Все ты врешь, тварь!– брызгая слюной, заорала женщина.– Я вас всех на чистую воду выведу. Вы здесь все заодно. Валя! Солнышко мое, подай знак, если слышишь!– орала обезумевшая от горя женщина.

– Что тут происходит?– спросил подошедший главврач.

– Да вот, сумасшедшая. Кидается еще,– ответил сторож.– Вот вам главврач. Вы же просили,– сказал сторож сумасшедшей.

– Где моя дочь? Верните ее,– умоляюще сказал женщина.

– Успокойтесь,– как можно ласковее сказал главврач.–

Валера, пропустите ее, пожалуйста,– сказал он сторожу и тот нехотя повиновался.– Заходите, сейчас вы сами убедитесь, что здесь нет вашей Вали,– спокойно сказал главврач, немного приобняв за плечо сумасшедшую. Женщина немного успокоилась.

– Наконец-то хоть один порядочный человек,– сказала она.– Они все знают и скрывают мою доченьку. Сейчас я вам докажу. Вы же главврач? И наверняка не в курсе. Так всегда бывает. Еще в древней Руси, бояре своего царя вокруг пальца обводили. А вы всего лишь главврач,– несла женщина ахинею.

– Петр идите! Дальше я сам,– приказал мне главврач и я повиновался. Суть происходящего не сразу дошла до меня.

Я попробовал поговорить о случае с Беликовым.

– Очередная сумасшедшая. Мы укололи ей успокоительное и отправили домой,– ответил зам главврача.

– А, Валя?

– Какая Валя?– Беликов удивленно посмотрел на меня.– Ах, да. Валя уже поступила на работу в другую больницу. Эта женщина не ее мать. Она и раньше приходила, когда Валентина у нас работала. Просто сумасшедшая, но вполне безобидная.

Такое объяснение меня вполне устраивало. Ночь была беспокойной. Опять эти стоны и всхлипы, доносящиеся с «мансарды». Но чего еще ждать в психбольнице. Не швейцаром в лакшери-отеле работаю.

Утром я вновь нашел Виктора возле валуна. Вчера ночью шел дождь – обычное явление для поздней осени. А сегодня валун лежал на метр дальше от прежнего места. Глубокая борозда в земле показывала пройденный им за ночь путь. Внутри у меня похолодело.

– Да как ты сделал это?– спросил я Виктора. Я был уверен, что это он сдвинул камень. Я еще не знал как, но это точно был он.

– Я не могу вернуть его на место,– сказал сумасшедший. Он всеми силами упирался в землю ногами и пытался сдвинуть камень.– Где твой друг – тракторист? Ты обещал мне,–

сумасшедший резко повернулся и недобро посмотрел на меня.

– Он уже едет, Витя. Вечером будет здесь,– сглотнув подступивший к горлу комок, сказал я.

– Ты врешь!– закричал душевно больной.– Нет у тебя никакого друга. У тебя вообще друзей нет,– и он кинулся на меня с кулаками.

Не знаю, чем бы все это для меня закончилось. Виктор оказался невероятно силен. Он бросил меня на землю, словно тряпичную куклу и стал душить. Безумие придавало ему силу 10 человек. К счастью, на выручку подоспели два санитары, работавшие со мной в одной смене. Они попытались оттащить Витю от меня и его хватка на моей бедной шее немного ослабла. Я вновь мог дышать. Подбежал невесть откуда взявшийся врач и уколол Виктору успокоительное. Психбольной медленно стал обмякать.

– Ты все узнаешь,– твердил Виктор.– Узнаешь, почему двигаются камни,– тело его полностью обмякло, и он всей своей 120 килограммовой тушей свалился на меня.

– Что вы ему сказали?– раздраженно спросил врач, когда больного стащили с меня.

– Ничего особенного. Все было, как всегда,– ответил я.

– Витя никогда так не делал,– нахмутив брови, сказал врач.– Нужно пересмотреть курс его лечения,– буркнул он себе под нос.

Пора было убираться из этого проклятого места. Я подал

заявление на увольнение.

– Две недели, голубчик, – сказал мне зам главврача. – Иначе мы будем вынуждены уволить вас по статье.

– Хорошо, – сдержано ответил я. Портить свое резюме совсем не хотелось. Еще пару недель работы в этой богадельне и я буду свободен. Да и денег будет побольше.

Виктора на время перевели в «мансарду». Другие пациенты беспрекословно меня слушались. Так что две недели должны были пролететь, как один день. Пару дней все шло хорошо, а потом ночью пошел дождь. Утром, не знаю зачем, я первым делом направился к валуну. За ночь он сдвинулся еще на полметра. Дальнейшие мои действия выглядели как минимум глупо. Я уперся в камень и попытался его сдвинуть с места. Но как только я дотронулся до валуна, волна страшных видений и образов прошлась по мне словно разряд тока. Я отскочил в сторону, будто валун мог меня укусить. Весь оставшийся день я внимательно следил за валуном и потихоньку сходил с ума.

Навязчивая идея с камнями не оставляла меня ни на минуту. Теперь я следил и за теми, что лежали во дворе больницы. Мания захватила мое сознание целиком, и я надеялся, что покинув больницу, забуду об этом безумии. Вторая неделя подходила к концу. Сегодня я собрал свои вещи, а завтра мне должны были отдать мои документы и отпустить с богом на все четыре стороны. Виктор больше не появлялся. Он так и остался на верхнем этаже среди буйных. Бедный

добряк. Не нужно было мне ему обещать помочь с камнями. Дождей больше не было. Иногда срывался мелкий, словно крупа, противный снег. Камни стояли на своих местах. Все замерло в ожидании весны.

Было восемь вечера. Старая смена ушла, а новая еще не заступила. Все шесть месяцев, что я работал в псухушке, я сдерживал свое любопытство. Но сегодня оно все без остатка выплеснулось наружу. У меня аж все тело зудело, так я хотел заглянуть на «мансарду». Хоть одним глазком увидеть, что же там происходит. Да и что они теперь смогут мне сделать? Уволить?

Я поднялся на верхний этаж. Дверь в «мансарду», как ни странно, была приоткрыта. А дежурящий на этаже санитар, еще не заступил на смену. Идеальный момент. Я приоткрыл дверь в ожидании чего-то сверхъестественного. Это был обычный больничный коридор. Такой же, как и на всех нижних этажах здания. Удовлетворив свое любопытство, я уже собирался идти вниз. И так бы я и поступил, если бы не одно обстоятельство – тишина царившая здесь. Невозможная роскошь для места, где содержаться буйные пациенты. Но на этом этаже тишина была столь пронзительной, что казалось ее можно потрогать. Сам воздух замер боясь нарушить ее покой. Я неуверенно шагнул в коридор.

Все палаты «мансарды» были пусты. Я проверил каждую из них. Коридор заканчивался массивной дверью. Я подошел к ней и дернул за ручку, дверь поддалась. Все пациен-

ты «мансарды», впрочем, как и Валя вместе со своей мамой были здесь. Обнаженные, они сидели плотным кольцом вокруг огромной стеклянной колбы. Помещение было большим. Видимо раньше здесь был актовый зал, но теперь его переоборудовали для иных целей и стеклянная колба возвышалась метров на пять, почти упираясь в потолок помещения. Пациенты, сплетенные между собой, сидели на полу в разных безжизненных позах. Да, да именно сплетённые, вы не ослышались. Их тела проросли друг в друга тонкими нитями кожи и плоти. Оглушенный увиденным, я посмотрел на огромную стеклянную колбу. Она величественно возвышалась над кругом сросшейся людской плоти. Внутри колбы пульсировало огромная, склизкая желеобразная масса, отдаленно напоминающая человеческий мозг. Прямо у меня на глазах масса начала трансформироваться. Сначала в облако дыма, а затем в шар энергии. Оно манило меня, звало присоединиться к остальным. И я, поддаваясь этому мучительному зову, медленно шел к кругу плоти. Рука, легшая мне на плечо, вырвала меня из гипнотического безумия. Я вздрогнул и отскочил в сторону, готовый бежать без оглядки. Прочь из этого проклятого места. Но получил увесистый удар по голове и потерял сознание.

– Уже очнулся?

– Похоже на то.

Я с трудом открыл глаза и сквозь пелену тумана, застилающего мне глаза, увидел нависающего надо мной главврача психбольницы. Рядом с ним стоял его зам и медбрат.

– Петр, как вы себя чувствуете?– спросил главврач.

– Где я?

– Вы в больнице. Как вы оцениваете ваше самочувствие по шкале от одного до десяти?

– Семь,– хриплым голосом ответил я.– Голова болит.

– Вы ударились головой,– объяснил главврач.

Сознание постепенно приходило ко мне. Я лежал на полу в одной из палат «мансарды» и не мог пошевелить руками. Они одели на меня смирительную рубашку. И как только это обстоятельство дошло до меня, я стал неистово вырываться из ее пут.

– Не сопротивляйтесь. Это для вашего же блага,– сказал главврач, придерживая меня за грудную клетку.– Я хочу, чтобы вы поняли, я желаю вам только добра,– он надавил на какую-то точку у меня на шее и я замер полностью парализованный.– Так-то лучше,– похлопав меня по груди, сказал главврач.

– Константин Федорович, приготовьте, пожалуйста, актовый зал,– обратился он к заму.– Скоро у нас появиться новый «мыслитель»,– зам утвердительно кивнул и скрылся из виду.

– Выйдете, Александр. Я позову вас, когда нужна будет

помощь,— приказал главврач медбрату и тот повиновался.

— А вы знаете, Петр, что такое пограничное состояние материи?— неожиданно обратился ко мне главврач.

— Да, какого черта?! Что ты несешь, больной ублюдок! Развяжи меня!— хотел закричать я, но не мог издать ни звука.

— Я так и думал,— усмехнувшись, сказал главврач.— Так вот, в момент, когда взрывается ядерная бомба, вещество вокруг превращается в чистую энергию. И в этом пограничном состоянии, энергия может превратиться обратно в вещество. А вещество в энергию. То есть с научной точки зрения, нет ничего удивительного в том, что из невидимых магнитных полей может появиться, допустим, яблоко. Главное, чтобы энергии было достаточно. А вы знаете, какой источник энергии самый мощный?

Я молчал. Мне заткнули рот, без права выразить свое мнение хотя бы жестом.

— Мысль, Петр. Это мысль. Она может создавать вселенные и разрушать их,— сказал главврач, поучительным тоном.— Когда люди собираются вместе и молятся, их мысли соединяются в пучок чистой энергии и вера людей бывает настолько сильна, что стены начинают мироточить. Воздух горит. Из пустоты появляется вещество.

— Выродок! Отпусти меня!— но вместо крика, тишина.

— Но это ведь не секрет. Мы каждый год видим зажжение огня в Иерусалиме. А вот вам и моя тайна. Боги, которым поклоняются люди, созданы нами самими. Да, да. Они со-

зданы силой мысли миллионов людей. Каждый день мы обращаемся к пустоте и верим, что она нам поможет. И тогда на месте пустоты рождается Бог. Он питается нашими мыслями и растет. Он бессмертен и всемогущ, если мы так пожелаем. Он впитывает в себя энергию сотен поколений людей и даже если о нем забывают, он остается в этом мире навсегда. Потому что теперь, он так же реален и жив, как мы с вами, Петр. Так рождались жестокие Боги древности, которых мы называем демонами. Так рождались добрые Боги нынешних времен – ангелы. И в стенах этой больницы, я возвращаю новое поколение богов.

– Ты безумен! Остановись и отпусти меня!– пытался я ему сказать, но не издал ни звука.

– А вы знаете, Петр, кто обладает бездонной энергией мысли?– продолжал главврач.– Ни за что не догадаетесь,– и он странно засмеялся.– Нет – не просветленные монахи и не гении. Не великие политики и даже не ясновидящие. Это сумасшедшие, психи, шизофреники и маньяки всех мастей! Они словно портал, будто дверь, через которую из пустоты появляется то, во что они верят. А я... я научился управлять этим порталом. Подчинять его себе. Вы же видели это. Там в колбе я ращу нового бога. И раз уж вы соизволили заглянуть ко мне на огонек, то примите в моем эксперименте самое живое участие. Но сначала мне нужно вас подготовить,– с этими словами он достал из кармана шприц с зеленой субстанцией.– Мое личное изобретение,– похвастался главврач.– Я

назвал его – жидкое безумие.

Укол пришелся мне в шею, и я сразу же потерял сознание. Очнулся я во дворе больницы. Шел дождь, последний перед наступающей зимой. Я пытался бежать, но двигался безумно медленно. Миллиметр за миллиметром. Мокрая земля помогала мне. Иначе я бы остался стоять на месте.

Главврач был прав. Земные Боги действительно появились благодаря неистовой вере людей. И в колбе, на «мансарде» действительно рос новый Бог. Но в погоне за быстрым успехом, он не учел одного. Если мысли питающие Бога безумны, то безумен и Бог. Та сущность, что находилась в колбе, на «мансарде» не знала другой пищи, кроме безумия. Она была зачата мыслью психопата, верившего, что все станет камнем. И когда-нибудь новый Бог вырвется на свободу, чтобы превратить все в камень.

А я... Ну что ж. Я камень во дворе психбольницы. Я бессменный ее пациент. И теперь я точно знаю, почему в дождь камни двигаются.

Пожарные

– Привет, Толян. Как спалось?

– Как обычно, – ответил Толик, натягивая на себя костюм пожарного.

– Это значит никак?

– Так и есть, Серега.

Завыл вой сирены. Толик поспешно застегнул костюм, и надел шлем на голову.

– Это никогда не закончится,– сказал Сергей.

– Теперь уже никогда,– согласился Толик.

Они прыгнули в пожарную машину и помчались на вызов.

– Зараженный Дом находится в семи кварталах,– многозначительно сказал Сергей, наклонившись поближе к Толику. Его едва было слышно за воем пожарных сирен.

– Успеем,– решительно сказал Толик и нажал педаль газа до отказа.

Пожарная машина остановилась у огромного Дома-муравейника. К нему со всех сторон съезжались пожарные расчеты. Территорию уже оцепили. Один из жителей высотки успел добраться до выхода. Он в нерешительности остановился у двери и стал озираться по сторонам. Наконец он шагнул на улицу.

– Зайдите вовнутрь, пожалуйста,– сказал в громкоговоритель Сергей.

Мужчина вздрогнул, словно его поймали на воровстве.

– Подождите. Это ложная тревога. У нас все чисто,– испуганно стал тараторить мужчина.

– Ты заправил топливо?– спросил Толик.

– Как обычно,– ответил Сергей.

Толик выпрыгнул из кабины и спокойно взял шланг.

– Зайдите в дом и дайте нам сделать нашу работу,– попросил Толик мужчину.

– Пойдите. Это ошибка. Я смотритель Дома. Уверю вас, у нас все в порядке,– дрожащим голосом сказал человек, он медленно приближался к Толику.

– Стой на месте!– раздраженно крикнул Толик.

Но человек не слушал его и продолжал медленными шагами приближаться к машине.

– Не нужно. Здесь нет заразы. Ложная тревога,– неожиданно мужчина злобно оскалился и побежал на пожарных.

Языки пламени вырвались из пожарного шланга и опалили бегущего. Он стал безвольно махать руками, пытаясь потушить себя.

– Руби его и затаскивай эту мерзость обратно вовнутрь,– приказал Толик и Сергей повиновался.

Он схватил топор, молниеносно оказался возле зараженного и воткнул острую часть обуха горящему мужчине в голову. «Смотритель» корчился в огне. Он пытался схватить Сергея, обжечь его языками пламени, в котором горел. Но костюм пожарных был сделан, как раз на такой случай. Твердый, жаропрочный. Чтобы зараженные не могли навредить пожарным.

Сергей крепче ухватился за рукоятку топора и потащил почти не сопротивляющегося мужчину ко входу в высотку. Он швырнул тело горящего «смотрителя» обратно в подъезд, словно уголь в топку. И стряхнул с топора запекшуюся кровь.

– Теперь можно спокойно тушить,– довольный проделан-

ной работой, сказал Сергей.

Пожарные расчеты поливали огнем зараженную высотку. Смог от горящего Дома черными клубами поднимался высоко в небо и смешивался там с криками и стонами тысяч догорающих людей.

– Хорошо, что Зараза не успела перекинуться на соседние Дома,– сказал довольный Сергей.– Оперативно сработали.

– Хорошо, что теперь всегда идет дождь,– ответил Толик и с тоской посмотрел на горящий, будто факел Дом.

Пожарная машина спокойно ехала в свое депо. Зараза была потушена.

– Сегодня пожаров меньше, чем обычно,– сказал Сергей.

– Не зарекайся. Впереди еще целая ночь,– сказал Толик.

– Главное вечер. Под вечер больше всего бывает,– заметил ему Сергей.

Толик молчал.

– А вот интересно, почему под вечер?– не унимался Сергей. Образ горящего мужчины, в которого он воткнул топор еще стоял у него перед глазами. И он пытался прогнать навязчивое своей нелепой болтовней.

– Власти говорят как-то с солнцем связано,– вяло поддержал разговор Толик. Он понимал состояние друга.

– С солнцем,– мечтательно повторил Сергей.– Я его только в фильмах видел. Интересно, какое оно?

– Красивое и очень теплое,– грустно сказал Толик.

– Хоть глазком бы на него посмотреть,– сказал Сергей.

– Тогда тебе в астронавты надо было, а не в пожарные,– усмехнулся Толик.

– Теперь уже поздно. Лунная база заражена. Орбитальная станция тоже. Говорят, на марсе нет Заразы,– сказал Сергей.

– Да много чего говорят. Законом не запрещается. А если подумать, то человек уже лет 15-ть, как в космос не летаем. Скорее всего, погибли там все давно... на Марсе. А может и хуже.

Сергей поежился.

– Ты знаешь Толь, у меня иногда такая тоска на душе бывает. Вот нахлынет и не отпускает. Аж выть хочется,– поделился он с другом.

– Тебе 35-ть. Ни жены, ни девушки. Женись,– посоветовал Толик.

– А Зараза?

Толик промолчал. Ему нечего было ответить. Когда Зараза появилась в его Доме, он сжег ее вместе со своей женой и дочкой. После этого он больше никогда не был с женщиной.

Зараза свирепствовала на Земле более 50 лет. Она могла появиться в любой части Города. И никто не мог гарантировать, что она не появится у тебя в Доме. Только одно спасало от нее на 100%. Отсутствие жены. Тогда можно было жить в Доме для холостяков.

Они ехали мимо огромных Домов-муравейников, в которых жили тысячи семей. То тут, то там, среди жилых Домов попадались обугленные останки сгоревших высоток. Их об-

горевшее и поплатившееся железобетонное нутро выпирало наружу, словно вывернутый наизнанку скелет.

– Я слышал, что эта Зараза, никакой не вирус вовсе. А что-то другое. Гораздо страшнее, – сказал Сергей после небольшого молчания.

– Это все теории только. Правду мы наверно никогда не узнаем. Да и надо ли, – ответил Толик

Никто точно не мог сказать, откуда взяла эта напасть. Человечество постепенно вымирало. Еще 50 лет назад все было совсем по-другому. Город процветал. Он простирался по всей планете, занимая собой большую часть континентов. Популяция Homo Sapiens перевалила за 40 миллиардов человек. Даже Дома – огромные высотки-муравейники с сотнями этажей не спасали ситуацию. Власти Города не справлялись с перенаселением. Был издан закон: Одна семья – один ребенок. Но люди не соблюдали его. Многие рожали и прятали «лишних» детей. Правление Города ужесточило наказания за нарушение закона вплоть до смертной казни и общество расколосось.

А потом ученые сделали открытие. Они нашли способ омолаживать организм женщины с помощью беременности. Аборты вошли в моду. Женщины с удовольствием беременели, чтобы омолодить свою кожу и тело. А когда плоду исполнялось семь месяцев, они делали выкидыши в специальных клиниках. Из части младенца изготавливалась косметика, остальное выбрасывалось на помойку. Это было настоль-

ко распространено, что приравнивалось к спа-процедуре. И ни одна уважающая себя «леди» не обходилась без такого ухода за своим телом. Женщины беременели и делали аборты на поздних сроках, по 30-40 раз за жизнь. Останков младенцев стало так много, что власти Города посчитали не рентабельным кремировать их. За чертой города стали расти свалки из младенческих трупов.

Именно оттуда пришла Зараза. Это был не вирус и не бактерия. Что-то более высокого порядка. Современное человечество еще не сталкивалось с таким. Зараза действовала избирательно. Носителем она всегда выбирала женщину. А уже потом, как лесной пожар перекидывалась на всех остальных, без разбору. Она коверкала человеческую плоть, превращая ее сплошные язвы и струпья. Извращала душу человека, делая его похожим на зверя. Только огонь мог остановить ее распространение. Так появились пожарные, а вместе с ними дождь. Словно Зараза пыталась противостоять огню. С тех пор дождь не прекращался. Огнем и топором пожарные чистили Город от Заразы каждый день. Но все впустую. Каждый вечер Зараза появлялась вновь.

– Внимание пожар в пятом секторе,– услышали по рации Толик и Сергей.

– Я же говорил: Не зарекайся,– сказал Толик.

– 12 кварталов,– сказал обеспокоенно Сергей.

– Должны успеть,– играя скулами, сказал Толик.– Только вот стоит ли,– за воем сирен Сергей не слышал Толи-

ка. Он только видел, как шевелятся его губы.— Эта планета — один сплошной мертвый Город и непрекращающийся грязный дождь. Сумрак от смога заводов и горящих Домов. Солнце покинуло нас и наш отравленный мир. Оставив один на один со смертью,— если бы Сергей слышал его, он бы сказал:

– Стой. Не за чем торопиться.

Но сирена невыносимо ревела. А пожарные мчались по Городу, чтобы успеть потушить очередную Заразу.

НА ТО МЫ И ЛЮДИ

На этой стороне Марса стояла глубокая ночь, все развлекательные парки были закрыты. Не поиграть с волком, не прокатиться на дикой лошади. Дети спали в мягких кроватках под присмотром дедушек и бабушек. Те, что постарше смотрели мыслевидение. Природа Марса спала вместе с людьми. На противоположной стороне Марса было скучно. Шумные мегаполисы Рабочей стороны не манили Давида.

На Землю перемещаться не имело смысла. Ничего интересного. Бескрайние поля кладбищ со Смотрителями. Мекка для религиозных людей и фанатиков. Да обугленные скелеты Домов-муравейников — дела минувших дней. А дальше его наручный телепорт не доставал.

– Говорил же мне Костя: покупай телепорт помощнее, чтобы через облака Юпитера пробивал. Так нет же. Денег

пожалел. Вот теперь сиди, жди челнок. А потом трясись в нем со студентами, да пенсионерами. Целый час времени потерял,— ворчал на себя Давид.

На Юпитере было шумно и суетно. Здесь находился центральный космодром человечества. И потому, сюда стекались люди со всех планет и колоний. А отсюда они разлетались по всему ближнему космосу в соседние солнечные системы, к молодым поселениям. Человечество неспешно расселялось по соседним мирам. И лишь единицы имели свой собственный транспорт для межзвездных путешествий.

К счастью, его друг Костя имел такой транспорт. Его папа занимался разработкой месторождений полезных ископаемых на кольцах Сатурна. И имел неплохой доход. А постоянно скучающий, пресыщенный жизнью Костя сорил папиными деньгами направо и налево. В конце концов, отец решил, что, быть может, межзвездные путешествия и новые миры помогут сыну найти себя.

На личном межзвездном транспорте разрешалось летать только в исследованную часть космоса, одобренную для посещения Межзвездной Исследовательской Комиссией (МИК). За несанкционированный вылет за пределы разрешенной зоны грозил уголовный срок. Но друзьям так хотелось первыми увидеть новую звезду. Побывать там, куда не ступала нога человека. Дикий, не исследованный космос манил их. А больше всего будоражил их воображение запрещенный сектор. Он находился относительно близко к Земле.

И по идее его давно должны были колонизировать. Но полеты туда были запрещены. И так же карались серьезным тюремным сроком. К какой именно звезде лететь, они не знали. Просто выбрали наугад, ту, что была подальше вглубь сектора. Они прошмыгнули незамеченными мимо кораблей МИКа. И довольные своей проделкой, полетели к намеченной цели.

Звезда, оказалась черным карликом. Лишь пара скучных каменистых планет вращалось вокруг умершего солнца.

– Странно. Здесь должен быть голубой гигант,– задумчиво сказал Давид.

– И ради этого я нарушил закон?– негодовал Костя.

– Посмотри на это под другим углом. Мы первопроходцы. Эта солнечная система больше не девственница. Мы первые вошли в нее. И больше у нее такого не будет,– весело сказал Давид.

– Надо было девчонок с собой брать, друг. Не пришлось бы сейчас аллегориями разбрасываться,– съязвил Костя.

– На какую первую спустимся?– проигнорировал Давид.– Или, может, в соседнюю систему махнем?

– Неее. Так просто ты не отделаешься. Кто там клялся, что здесь будет невообразимо интересно?– Костя с усмешкой смотрел на друга.

– Ну, вообще-то я за весь запрещенный сектор говорил,– сказал Давид.

– Ага, конечно. «Да тут в каждой системе что-то прячут.

Не могли МИКовцы просто так целый сектор закрыть. Об заклад бьюсь». Твои слова?

– Ладно. Начнем с крайней планеты, – раздраженно сказал Давид.

Они приземлились на каменистое, мрачное плато. Планета была пригодна для терраформирования. Об этом скромно сообщил бортовой компьютер корабля. Он попытался отправить данные о планете в МИК, но безуспешно.

– Отключение этой опции у бортухи мне влетело в копеечку, – говоря «бортуха», Костя имел в виду бортовой компьютер. – Иначе бы нас еще на подлете к сектору повязали «псы» из МИКа.

– Мне всегда казалось странным, что сюда не пускают. А еще, я знаю ребят, которые ходят в «дикий» космос. Иногда их ловят и сажают, иногда нет. Но я не знаю ни одного, кто бы ходил в запретный сектор. Даже просто рассказывал, что ходил. О нем все знают, но молчат. И нигде ни одного упоминания о нем. Ни одной байки. Только официальная версия МИКа – исследование сектора экономически не выгодно. И народ хавает это. А какая экономическая выгода тогда в 7-м секторе. Он в 10-ть раз дальше от Земли, чем этот. А МИК оттуда даже ресурсы тащит. А теперь посмотри на данные по полезным ископаемым этой убогой планетки. Посмотри, посмотри, – настаивал Давид.

Костя нехотя дал мысленное согласие на принятие данных от «бортухи» и информация о планете поступила в его мозг.

– Странно,– сказал он, перебирая в голове полученные блоки данных.– Это же не планета, а золотая жила. Иридий, платина, изотопы. Если об этом узнает отец, он сюда всех своих рудокопов пригонит.

– Вот и я о том же,– сказал Давид.

– Пошли, погуляем. Осмотримся,– предложил Костя.

– Ты хотел сказать сделаем из этой планеты женщину?– усмехнулся Давид.

– Надо было брать с собой девчонок,– безнадежно махнул рукой Костя.

Безжизненное каменистое плато. Унылый пейзаж. Огромное пятно черного холодного солнца, больше похожего на планету. Они немного побродили по округе, но ничего необычного не обнаружили. Тогда друзья уселись поудобнее возле корабля и стали кидать мелкие камушки в небо. Камни взмывали вверх к черному солнцу и улетали за горизонт.

– Как думаешь, стоит лететь дальше?– спросил Костя.

– Конечно, стоит. Уж если мы пробрались сюда, то надо получить удовольствие по максимуму,– ответил Давид.

– Такое удовольствие и на луне получить можно,– сказал заскучавший Костя и бросил последний камушек в небо.

– Хорош трюндеть. Уныние – грех. Полетели,– сказал Давид.

До следующей планетарной системы было около двух часов лету. Друзья разлили виски по стаканам и наслаждались видом космоса, отправляемым бортовым компьютером

прямо им в мозг. Это была относительно новая технология. Нет, конечно, человечество уже лет 50 как общалось со своей техникой мысленно. Отдавая роботам и бытовым приборам мысленные приказы. Но чтобы компьютер посылал тебе картинку прямо в мозг, без участия проводов – это было необычно. Человечество было на пороге открытия способа мысленного общения друг с другом.

– Ты чувствуешь это?– неожиданно спросил Давид.

– Что?– спросил Костя.

– Не знаю... ЭТО.

– О чем ты?

– Просто странное ощущение. Как будто где-то загораются звезды. Ладно. Проехали,– сказал Давид.

– Я слышал об этом от отца. Это от долгого полета в космосе бывает. Странно, что у тебя так рано началось. Но не переживай – это быстро проходит,– успокоил друга Костя.

– Жаль. Это чувство такое теплое.

Они прибыли к очередной звезде. Вокруг тусклого умирающего черного карлика, неспешно кружили хоровод пять угрюмых планет.

– Опять черный карлик. Как странно,– сказал Костя.

– Невозможно. Математически невозможно, чтобы рядом существовали два черных карлика. Не в нашей галактике. Бортуха показывает, что здесь должно быть солнце, подобное нашему. А то, от которого мы улетели на карте обозначено, как синий гигант,– сказал Давид.

– Может компьютер глючит?– предположил Костя.

– Он показывает, что на второй планете от солнца есть следы жизни,– изумленно сказал Давид.

– А единорогов он там случаем не обнаружил?– сказал Костя.– Когда мы вернемся на Юпитер, надо будет хорошенько отметить программиста. Я ему четко сказал: отключи маячок и отправку сообщений в МИК. А не сломай мне звездолет. Наверное, стоит валить отсюда, пока «бортуха» полностью не навернулась. А то мы тут застрянем.

– Давай быстро заглянем на планету и домой. А то так и будем всю жизнь гадать, заглянуло ли компьютер или действительно мы нашли что-то интересное, но в последний момент отступили,– сказал Давид.

– Согласен. Все-таки надо закончить эту историю,– сказал Костя.

Планета, словно еж, ощерилась в небо острыми, как иглы кристаллами льда. Друзья с трудом нашли место для приземления. С ее поверхности черное солнце выглядело еще более зловеще. В неровном свете звезд, кристаллы льда светились ядовито зеленым светом. Давида не покидало ощущение, что он попал в склеп и побеспокоил умерших.

– Смотри,– неожиданно воскликнул Давид. Он подбежал к одному из кристаллов. Внутри него находилась старая телепортационная установка. Такие делали много лет назад.– Ты тоже это видишь?– спросил Давид

– Да, допотопная штука. Я такие только в музее видел.

Интересно, как она здесь оказалась,— ответил Костя.

— Ну уж точно не своими ногами пришла,— ликовал Давид.— Теперь ты мне веришь? МИК просто врет, что никогда здесь не был.

— Интересно зачем?— задумался Костя.— Может не стоит копаться дальше в...— треск ломающегося льда прервал его на полуслове. Костя отскочил в сторону. Давид даже не успел понять, что происходит. Огромная глыба льда обрушилась на него. Сплющила и вмяла в ледяную поверхность планеты.

— Давид. Давид,— закричал Костя. Он подбежал к тому месту, где еще недавно стоял его друг и стал разгребать куски льда. Костя с остервенением отшвыривал их в стороны. И приговаривал, словно в бреду:

— Сейчас, друг. Сейчас... Я вытащу тебя. Ты только держись там. Слышишь? Только держись.— Солнце разгоралось все ярче и ярче. И когда Костя добрался до тела друга, черный карлик вспыхнул и засиял. Жар, исходящий от солнца, был столь силен, что Костя ощущал его всем телом, даже через новейший защитный скафандр. Давид был мертв. Его верный друг. Единственный кто понимал его. Костя не хотел верить в происходящее.

— Господи, верни его,— завопил он и с Давидом начали происходить странные метаморфозы. Его кости срастались, суставы выкручивались и становились на место. Тело билось в конвульсиях, будто кто-то невидимый проводит по нему электрический ток. Через минуту Давид, пошатываясь, по-

пытался встать.

– Что случилось?– удивленно спросил он.

– Солнце... Оно снова светит,– только и смог ответить Костя.– Давай убираться из этого проклятого места.– Он подхватил Давида и, петляя между глыбами льда, друзья побежали к кораблю. Таящий в ярких лучах солнца лед рушился у них за спиной. Этот хрупкий мир, сотканный из кристаллов воды, рушился. Они еле успели на корабль. Звездолет взмыл в небо и помчался прочь. А солнце все разгоралось и разгоралось.

– Код дельта. Код дельта,– неустанно сигнализировал бортовой компьютер.

– Какой к черту код дельта,– закричал в конец измотанный Костя.– Нет там никакой жизни.

– Код дельта. На планете обнаружена разумная форма жизни,– не унимался компьютер.

Солнце все разрасталось. Его корона уже доставала до ближайшей планеты.

– Бортуха, если ты сейчас же не вытащишь нас отсюда, я сдам тебя на металлолом,– прорычал разъярённый Костя.

– Хочу напомнить, что вы нарушаете третий протокол. Спасение разумных существ. Я буду вынужден подать рапорт в МИК.

– Живо отсюда,– рявкнул Костя и бортовой компьютер повиновался. Они летали прочь от ледяной планеты, а солнце за их спиной разгоралось и пульсировало.

Когда они подлетали к границе запрещенного сектора, Давид уже полностью пришел в себя.

– Что со мной произошло?– спросил он у Кости.

– На тебя упала глыба льда. Но все обошлось,– уклончиво ответил Костя.

– Хочу домой,– тоскливо сказал Давид.

На вылете из сектора их перехватил крейсер МИКа. Друзей поместили в карантин.

– Убью этого идиота,– кричал Костя.

– Кого?– спросил Давид.

– Программиста. Этот мудака обещал вырубить маячок. А если он его вырубил, как нас МИКовцы засекали, спрашивается. А теперь из-за того, что у него руки из жопы растут, нам три года тюрьмы светит. И дай бог, чтоб условно. Отец меня...– Костя запнулся, представляя, что с ним может сделать отец и каких привилегий он может лишиться.– Мне бы только добраться до этого говномастера и ему конец.

Дверь в карантин открылась, прервав Костину тираду на тему говномастера и того, что ним будет. В комнату вошел седовласый мужчина, в военной форме МИКа. Лицо его украшали густые черные усы.

– Ну, что расскажете? Что видели?– спросил он, усаживаясь на стул, напротив друзей.

– Да ничего не расскажем. Ничего мы не видели,– ответил Костя.

– В самом деле?– мужчина проницательно посмотрел на

ребят.— Ну, тогда я вам кое-что расскажу. Вы должны знать, почему вас...— мужчина запнулся и с сожалением посмотрел на ребят.— Да вам наверно и самим любопытно, почему закрыт запретный сектор. Иначе, зачем вы сюда прилетели.

— Да никуда мы не прилетали, сколько раз повторять.

— Помолчи, Кость,— сказал Давид.— Пусть расскажет...

— Не будь глупцом. Он пытается водить нас за нос. Так он тебе и выдал все тайны МИКа, на блюдечке. Им чисто-сердечное твое нужно, чтобы не доказывать ничего на суде. Сейчас начнет херню нести, а ты сам и проговоришься, где был и что делал. Не ведись.

— Давайте вы просто выслушаете меня. А потом будете делать выводы,— сказал МИКовец. И не обращая внимания на дальнейшие недовольства Кости, он неспешно начал свой рассказ.— Это произошло более 120 лет назад. Тогда только изобрели более-менее рабочие телепорты.

— Вы нам хотите преподать урок истории?— раздраженно перебил его Костя.— Лучше скажите, когда нас отпустят?

— Ровно после того, как вы меня дослушаете. И чем быстрее я закончу рассказ, тем раньше для вас все разрешится,— ответил мужчина.

— Костя, помолчи. Давай послушаем,— попросил друга Давид.

— Итак,— продолжил мужчина.— Люди начали осваивать ближайшие миры. Сначала Луна и Марс, затем база на Юпитере. Первопроходцы доставляли на планету телепорты, а за-

тем можно было беспрепятственно осваивать новую планету, не тратя уйму времени и ресурсов на перевозку людей и грузов.

– Вы забыли добавить, что это стало возможно только благодаря квантовому синтезу. Халявная энергия, без которой ни один телепорт не заработал бы. Расскажите нам что-нибудь новенькое. Скучно,– махнул рукой Костя.

– Люди бездумно шли вперед, не пытаясь понять миры, в которые приходили,– продолжал мужчина, не обращая внимание на Костю.– И уж тем более, не надеясь встретить разумную жизнь в ближнем космосе. А потому, когда колонисты столкнулись с ней, они растерялись,– мужчина поднял глаза и посмотрел на друзей. Они молчали. Даже Костя не нашелся, что сказать. Уже много десятилетий шла экспансия космоса. Но ни разу за это время человечество не наткнулось ни на одну обитаемую планету. И уж тем более не встречало разумных существ.

Аборигены жили на одной из планет запрещенного ныне сектора,– продолжил МИКовец.– В своем развитии они мало чем отличались от земных обезьян. Во всяком случае, так мы тогда думали. Мы даже не стали их изучать, а просто основали новую колонию на их планете. Вторглись в их мир, не считая нужным спросить разрешения у хозяев дома. В оправдание хочу сказать, что в те времена еще не существовало четкого регламента на такой случай. И основание колонии возле поселения аборигенов казалось логичным шагом. Так было

проще выйти с ними на контакт и просто изучать их уклад жизни.

– Я же говорил, они там что-то скрывают,– не выдержал Давид.– Я знал. Чувствовал.

– Заткнись. Это все чушь. Они пытаются нас разговорить, чтобы впаять срок побольше. Ни хрена там нет. Да и нас там не было,– сказал Костя.

– Но ведь ты видел, сколько там ресурсов и...

– Заткнись. Ни слова больше или мы не друзья!– шепотом, почти неслышно, сказал Костя.

Мужчина с любопытством наблюдал за ребятами.

– Господа, если вы закончили, то я, пожалуй, продолжу,– грозным голосом напомнил он о себе.– В противном случае я вынесу вам приговор, прямо здесь и сейчас. Без всяких объяснений и апелляций.– Друзья умолкли. Костя поблел. Давид с интересом приготовился слушать дальнейший рассказ.

– Правила освоения космоса нерушимы. Когда основывается новая колония в течение года, каждый новоприбывший является не выездным. Будь то обычный колонист или глава МИК – разницы нет. Ученые изучают местность, а доктора – людей на наличие новых опасных вирусов. Даже спустя почти 250 лет экспансии космоса, ни один научный институт не может спрогнозировать мутации, вызванные в человеке излучением нового солнца, под которым он поселился. А в те времена не могли и подавно. Единственным способом за-

щиты был карантин.

Вскоре стало ясно, что новая планета мало чем отличается от многих других. Как?— скажете вы.— Ведь она обитаемая!— И ошибетесь. Планета была безжизненной. Голый камень и песок, словно прах, покрывал всю ее поверхность. Только жалкая горстка туземцев со своими питомцами обитала на ней. Сначала мы думали, что они выращивают скот. Но нет. Они не ели, не спали, у них не было детей. Их внешний вид и образ жизни разительно отличался от нашего. И я с дрожью вспоминаю их. Но не потому, что аборигены чем-то напоминали помесь паука и обезьяны. Нет. Это было внутри них. Они были словно тени прошлого, словно призраки, не обретшие покой. А планета была их склепом.

Колония разрасталась. Телепорты непрерывно работали, переправляя на планету людей и необходимое оборудование. Планета стала местом паломничества для антропологов, биологов, историков. Этот список можно продолжать бесконечно. Разумная жизнь. Люди так мечтали найти ее. И нашли. В ближнем космосе. Это был фурор. Спустя полгода умер первый колонист,— МИКовец перевел дыхание и с грустью посмотрел на друзей. Ребята внимательно слушали его рассказ.

— Нет, он не умер от неизлечимого вируса или радиации. Его не отравила атмосфера планеты, и это был не несчастный случай. Именитый ученый прибыл на планету в преклонных годах и умер от старости. Это случилось ночью. А утром, ко-

гда взошло солнце, он воскрес. И солнце в этот день светило особенно ярко. Вечером к колонии стали прибывать аборигены. Черные, едва различимые на фоне теней заходящего солнца, они собирались в стаю и шелестели, будто сухие листья на ветру. К ночи шелест усилился настолько сильно, что стал нестерпим. Неизвестно, кто из колонистов не выдержал первым. Прозвучал выстрел, один из аборигенов замертво упал на землю. И в ту же секунду шелест усилился в десятки раз. Он пронизывал все вокруг и, казалось, камни крошатся под натиском этого нестерпимого звука. Колонисты бежали к телепортам, пытаясь спастись. Но, увы. На планете действовал карантин, и телепорты работали только в сторону прибытия. Многие, обезумев от нестерпимого шелеста, кончали жизнь самоубийством. Они выбегали наружу, не надев скафандр, и гибли в отравленной атмосфере чужой планеты. Другие пытались сопротивляться и стреляли в проклятых туземцев. Ночь подходила к концу. Большая часть поселенцев погибла. Большая часть аборигенов лежали мертвыми рядом с ними. От колонии осталась жалкая горстка людей. И неожиданно шелест исчез. А потом взошло солнце. И с первыми его лучами, умершие стали воскресать. Это омерзительное зрелище я не забуду никогда. Оно навсегда отпечаталось в моем сознании. словно клеймо, выжженное на теле раба, оно горит в моей памяти обжигающим огнем восходящего над проклятой планетой солнца, — по щеке рассказчика скатилась слеза, но он быстро взял себя в руки.

– Аборигены воскресали и сбивались в кучу, – продолжил он. – Их мягкие черные тела становились твердыми в лучах разгорающегося солнца. Видимо они имели какой-то защитный механизм на такой случай. Но вот люди... те, что лежали снаружи. Они воскресали, вдыхали ядовитый воздух и вновь умирали в страшной агонии. Из горла их доносилось мерзкое клокотание. Нестерпимый, сводящий с ума звук смерти. А потом они воскресали вновь. И так по кругу. Сотни тысячи раз. А солнце все разгоралось и разгоралось. Его лучи нещадно обжигали планету. Аборигены рассыпались по одному и стали рвать в клочья воскресающих людей, но даже тогда люди не переставали воскресать. И их мучения становились только сильнее. Стоны и крики доносились снаружи. Люди молили о смерти. Те живые, что оставались внутри колонии ринулись спасать своих друзей и близких. Но тщетно. Солнце бесновалось. Оно разрослось на полнеба, питаемое болью людей. Его лучи обжигали выбегавших на помощь поселенцев. И они падали ниц рядом с теми, кого хотели спасти. Круг омерзительного, бесконечного воскрешения ширился, вовлекая в себя все больше людей. Разорванные, с кишками наружу, обожжённые до костей, они воскресали. Вновь и вновь. Вновь и вновь. О, господи. А потом через телепорты стали прибывать военные. Кто-то успел передать сигнал SOS в центр МИКа. Не разобравшись в происходящем, военные стали палить по аборигенам из всего арсенала, что у них был. Аборигены вновь зашелестели с неистойвой

силой. Это был ад, где царила бесконечная смерть и воскрешение.

Восемь колонистов бежали в космос. Прочь от ужаса и боли. Мы сели в небольшой шаттл, и оставляя за спиной пульсирующую разрастающуюся звезду, полетели к соседней колонии. А через два дня, проклятое солнце, так ярко горевшее позади нас, вдруг потухло. И мы поняли, что все было кончено. Через несколько недель нас подобрал спасательный корабль. Один из тех, что отправили на выручку к нашей колонии. Едва живых, истощенных нас доставили к ближайшему поселению.

Спустя месяц пришло сообщение, что планета, с которой мы бежали, покрыта льдом. Солнце, гревшее ее, по неизвестным причинам погибло, превратившись в черного карлика. Мы рассказали сотрудникам МИКа все, что помнили о тех событиях. И постепенно стали забывать о случившемся. Еще через месяц погиб один из поселенцев колонии, в которой мы находились. А затем воскрес. И в этот день солнце горело особенно ярко... А потом на соседней колонии случилось тоже самое. МИК закрыл сектор для посещения.

Прошло больше сотни лет, но мы до сих пор не знаем, что это и как оно работает. Все попытки изучить планету, откуда все началось, неизменно заканчиваются смертью одного из членов группы, а потом его воскрешением. Это как заезженная пластинка. Солнце вспыхивает, лед тает и обнажает искалеченные тела. Они вновь воскресают, чтобы продол-

жить бесконечную битву, в которой нет проигравших. Солнце разгорается и светит нестерпимо ярко. А потом наступает ночь и все вновь покрывается льдом. Солнце тухнет и все затихает,— закончил свой рассказ мужчина.

— А зачем вы нам все это рассказали? И почему вы говорите об этом так, будто сами там были,— спросил настороженно Костя.

Мужчина достал пистолет из кобуры и выстрелил Косте в голову. Давид не успел ничего понять. Он схватил друга и обнял его.

— Костя! Костя!— кричал он.— За что вы так! Мы ничего не сделали!

Тело Кости стало биться в конвульсиях. Отверстие от пули в черепе затягивалось. Вскоре он воскрес.

— Одно мы знаем наверняка. Эта штука очень заразна. И неуничтожима. А вы теперь ее переносчики. И стоит вам просто шагнуть на новую планету. Любую, где еще нет этой отравы, и все повторится вновь. Вы заразите планету. Планета заразит звезду. А звезда заразит всех, кто под ней обитает.

— Но ведь это дар,— возразил Давид.— Бессмертие. Люди мечтали об этом с древних времен.

— Молодой человек, вы знаете, сколько на Земле похоронено людей. А сколько из них воскреснет? И как вообще происходит этот выбор? И будет ли он вообще? Ведь могут воскреснуть все разом. Вы знаете ответы на эти вопросы?— Давид молчал.— Вот и я не знаю. Но одно я могу сказать вам

наверняка. Как только эта зараза попадет в наше Солнце, оно вспыхнет так сильно, что сожжет к чертям и воскресших, и живых. Вся солнечную систему. А потом превратится в еще один склеп. Еще одну заводную игрушку, запускаемую появлением живого существа. И так произойдет с каждой колонией.

– Но ведь на других колониях нет кладбищ,– упрямо ответил Давид.

– Зато там есть люди. Наш вид очень любит убивать друг друга,– сказал мужчина.

– Что со мной произошло?– хриплым голосом спросил Костя, вклинившись в разговор.

– Ничего, друг. Ты просто потерял сознание,– ответил ему Давид.– Что теперь с нами будет?– спросил он у МИКовца.

– То же, что и со всеми. Но выбор есть всегда,– ответил МИКовец.

Давид смотрел в иллюминатор. Капсула летела прямо к черному карлику и чем ближе она подлетала, тем сильнее разгоралось солнце.

– Ты ведь понимаешь, что это единственно верный поступок. Иначе нельзя,– положив руку на плечо новобранцу, сказал МИКовец.

– Он был моим другом. Единственным другом,– сказал Давид.

– Жаль, что он не согласился вступить в наши ряды.

– Да, жаль.

– Теперь у тебя нет друзей. Нет родных. Ты умер на той планете. И воскрес, чтобы оберегать других от такой же участи.

– Скажите мне, вы были там...? Тогда.

– Я был одним из восьми выживших в тот день. И когда-нибудь, когда мы найдем лекарство от этой чумы, я вернусь обратно. Чтобы продолжить бесконечный бой вместе с моими товарищами.

– Вам просто не стоило вторгаться в их хрупкий мир,— почему-то сказал Давид.

– Конечно, не стоило. Но на то мы и люди.

Капсула с Костей летела к солнцу, чтобы сгореть в его лучах. А Давид стоял у иллюминатора. Он провожал свое прошлое. И думал: «Теперь я точно знаю, почему тухнут звезды. Осталось выяснить, кто же их зажигает».

О Богах

– Моя спина,— седовласый мужчина с трудом разогнулся и стал разминать свою поясницу.— Ну же! Помогите!— повысил он голос и нахмурился.

Парень лет 20-ти подбежал, и они вместе стали двигать плиту. Вдвоем они успешно справились с этой задачей. Затхлый канализационный воздух пахнул им в лицо.

– Постоим, пока свежий воздух проникнет внутрь. Ни-

когда сразу не лезь в канализацию. Иначе... – и седовласый мужчина провел пальцем по шее.

Молодой человек уважительно кивнул и с отвращением заглянул в канализационный колодец.

– Воды внизу мало, – заметил он.

– Значит засор. Скоро река Сарасвати разольется, в помощь богине Ашнан. Велик и мудр план верховного Бога – Аба. Нужно отчистить путь воде, – сказал седовласый мужчина. Родители назвали его Абзу, в честь «великого подземного океана». Будто они знали, что он удостоится великой чести стать смотрителем городской канализации.

– Пора спускаться, – сказал Абзу и надел плотную повязку на лицо. Его помощник поступил так же. Они по очереди спустились в колодец. Здесь стояла нестерпимая вонь. Повязка была пропитана благовониями, но даже она не могла перебить смрадный запах сточных вод.

– Привыкай, Хараб, – сказал Абзу, обращаясь к своему помощнику. За свой ум и смелость молодой человек был назначен младшим смотрителем за городской канализацией.

Канализационная шахта была узкой. Двое обычных горожан едва ли могли разминуться в ней. Абзу и Хараб были намного ниже среднего роста и очень худыми. Но даже они шли по шахте на полусогнутых ногах.

– Три дня назад был праздник, – сказал Хараб чтобы немного отвлечься.

– Да. Я был там, – ответил Абзу.

– Интересное зрелище. Особенно когда их распяли,– Хараб улыбнулся, вспоминая казнь преступников в святой праздник богини плодородия.

– Один из них был особенно мерзок. Даже отвратней чем те двое убийц. Он даже на кресте кричал, что Бог един. И нет Бога, кроме выдуманного им,– сказал Абзу и стал плевать. Хараб последовал его примеру.

– Надеюсь, он мучился больше других,– сказал Хараб.

– Его последним сняли с креста,– ответил Абзу и зло усмехнулся. – А вот и засор,– сказал он. В неровном свете масляной лампы двое увидели кучу из фекалий и бытового мусора, препятствующего свободному движению сточных вод.

– Давай инструмент,– сказал старший смотритель. Хараб повиновался. Он подал ему деревянный черенок и металлический круг усеянным множеством шипов. Абзу одел круг на черенок и защелкнул хитроумный замок, соединив две детали вместе.

– Теперь надо осторожней. А то вода хлынет потоком,– объяснил старший смотритель. Он стал втыкать круг в гнилостные отходы, медленно расчищая сверху путь воде. Она сочилась сквозь засор. Вода под их ногами стала течь быстрее, унося фекалии дальше по канализации.

– Теперь нужно подождать. Вода сама сделает свое дело,– сказал Абзу, придерживая засор металлическим диском. Он то и дело перемещал его по засору, отрывая новые куски му-

сора. Постепенно вода стекла, куча мусора уменьшилась, и зритель добрался до причины засора. Это был труп. Абзу поднес лампу к вздувшемуся лицу покойника.

– Это же он, – на лице старшего зрителя, даже через маску, можно было различить гримасу омерзения.

– Кто? – спросил удивленный Хараб.

– Тот, что кричал о едином боге, – сказал Абзу и плюнул на труп.

– О, Нергал – великий бог подземного мира. Почему ты не забрал его?

– Ему не положили монетки на глаза. Я сам видел, – ответил Абзу.

– Как? Кошунство, – воскликнул Хараб. – Могли бы хоть кости ему переломать, прежде чем спустить в канализацию. Все знают, что без этого душу не принимают даже воды вечности, – с сожалением глядя на мертвеца, сказал Хараб

– Без монет, никто не вправе осуществить обряд погребения. Ибо, того кто так сделает, покарают боги, – сказал Абзу.

– Я имел в виду переломать кости при жизни. Это не нарушает закон. Да это больно, но лучше чем то, что теперь произойдет с его душой. Ей не попасть даже в подземное царство – удел проклятых и убийц. Он не сможет поест даже дерьмо и запить его мочой. Всю вечность мира его душа будет голодна и бездомна. Нет более страшной участи, – и Хараб стал суеверно плевать.

– Поделом ему. Пусть его выдуманный бог поможет ему

попасть в царство мертвых,— сказал Абзу.

— Что будем с ним делать?— спросил Хараб. Ему было жалко, что с несчастным так вышло, но он сам избрал свою судьбу.

— Скоро начнутся паводки. Он забьет один из стоков, и мы ничего не сможем сделать до конца сезона наводнений. Надо его вытащить,— Абзу достал из-за пояса металлический крюк и надел его на черенок вместо круга с шипами. Затем он ловко воткнул крюк в ногу мертвеца, и они вместе потащили труп к выходу из канализации.

Возле люка их ждали люди. Человек 10-12, не больше. Они поспешно забрали тело у зрителей. Подхватили его на руки и унесли в сторону северных ворот города.

— Дураки. Это же вонючий, проклятый труп безумца,— кричал Хараб им в след.— Зачем он им?— ошарашено спросил он у Абзу.

— Быть может родственники. А может друзья,— предположил Абзу.— Это, в общем-то, не важно. Главное теперь не нужно тащить эту кучу говна до городских ворот. Они сделают эту работу за нас. Пойдем, посмотрим остальные люки. Через несколько дней река полностью разольется. Нам нужно привести канализацию в порядок до этого момента.

Хараб утвердительно кивнул, и они пошли вдоль вымощенной камнем улицы, между одинаковых кирпичных домов к следующему канализационному люку.

Сергей отключил ретроскоп, благодаря которому он наблюдал за давно минувшими событиями прошлого. Наконец-то он нашел время и место, которое искал столько лет.

– Так... ну с богом подземного мира и канализацией все давно ясно,— начал говорить он в диктофон.— Каждый год, в священный праздник, за две недели до разлива реки Сарасвати, жители города Ракхигархи казнили трех преступников. Затем, они спускали их в городскую канализацию. Страшное наказание. Ведь души казненных попадали к богу подземного мира во служение и питались исключительно нечистотами.

На глаза распятых, после смерти, клались монеты. Их забирали те, кто готовил тела казненных убийц должным образом. За эту плату они дробили трупам кости и проводили еще ряд нелюбезных процедур, чтобы тела не застряли в канализации. Если все же такое происходило, и труп застревал, то считалось, что душа такого человека потеряна. Она не сможет обрести покой. Для людей того времени это было самое страшное проклятье,— рассказчик перевел дух и смахнул пот со лба. Полуденное солнце пекло даже в прохладной палатке. – Отсюда берет начало древнегреческий миф об Аиде, Хароне и реке Стикс. Аид – собирательный образ Нергала, бога подземного мира. Харон – люди подготавливающие трупы к спуску в канализацию. Ну, а река Стикс – сточные воды города. Тут все ясно. И я не раз писал об этом в своих научных трудах.

Но сегодня я нашел прямое доказательство того, что Миссия существовал намного раньше, чем мы думаем. И все религии мира лишь отголоски одного события случившегося в Ракхигархи 6678 лет назад. Именно эту дату я установил в ретроскопе. Мое предположение оказалось верным. Иисус, Будда, Мухаммед – все они проповедовали идею, которая родилась гораздо раньше них. А тот бедолага, закончивший свою жизнь на кресте и валявшийся в вонючей канализации... Он первый уверовал, что бог един. Это значит, что Новый завет – пересказ событий произошедших на 5000 лет раньше, чем была написана Библия, – возбуждено говорил рассказчик. – А те, что его забрали. Их ведь было 12ть. Невероятно. Непостижимо. Апостолы? И насколько тогда древнее ветхий завет? И о ком на самом деле повествует Библия? Я поймал ниточку и потяну за клубок. Ответ на эти вопросы дело времени.

Это Сергей Семицкий. Я продолжаю ретроскопные исследования древнего города Рагхигархи. 2.07.2335 год.

Сергей прекратил запись на диктофоне и окинул взглядом древний город. Из его палатки открывался великолепный вид на каменные улочки и руины домов. Нужно было продолжать исследования. Он мысленно дал команду ретроскопу переместить дату исследований на три дня назад.

– 3.03.4343 год до н. э. – отдал он приказ, и ретроскоп повиновался.

– Начать изучение по тем же координатам, – мысленно

приказал Сергей.

– Закончился заряд батарей,– сообщил ретроскоп.

Сергей мысленно подключился к интернету и связался с центром квантовых батарей в Дели.

– Пожалуйста, сформируйте ваш заказ,– доброжелательно откликнулся искусственный интеллект (ИИ) местной компании.

– Десять батарей для ретроскопа,– попросил Сергей.

– Заказ принят. От Дели до вашего местонахождения 147 км. Расчетное время доставки, с учетом создания батарей, 1 час 47 минут. Вас это устраивает.

– Да, конечно,– ответил Сергей.

– Заказ собирается и вскоре будет отправлен. Спасибо за то, что пользуетесь услугами нашей компании,– вежливо сказал ИИ, но Сергей уже не слушал. Он вышел из сети и откинулся в удобном кресле.

У него было немного свободного времени, чтобы поразмыслить о богах и людях.

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора Артамонова И.С.